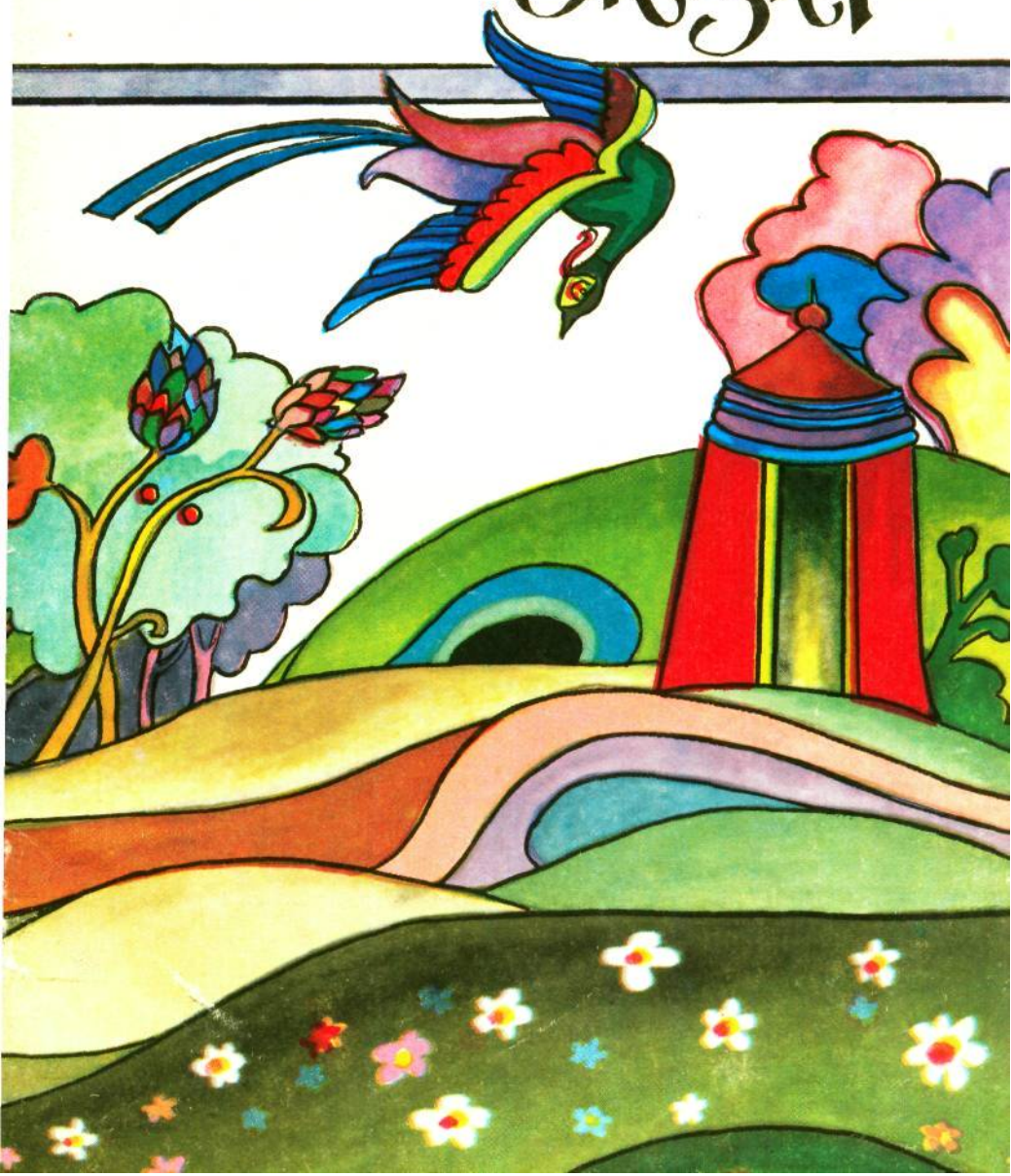

Турецкие сказки

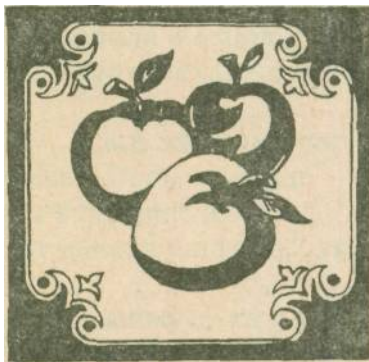
часть третья

ТУРЕЦКИЕ СКАЗКИ

в трех частях

Часть третья

Москва Приложение к журналу "Зарубежная радиоэлектроника,"
1991

*Библиотека Ладовед.
SCAN. Юрий Войкин 2011г.*

ББК 84.5 Ту.

ISBN 5-86688-021-0

© Составление и художественное оформление
Москва. Приложение к журналу
"Зарубежная радиоэлектроника", 1991

БЕХНАНЕ

Было — не было, а жил в одном царстве очень богатый человек. У него была красавица-дочь, звали ее Бехнана. Когда девочке было десять лет, мать ее умерла. Отец сильно горевал и оставался вдовцом ровно пять лет, но как только дочери исполнилось пятнадцать, решил он жениться. Об этом узнали в городе. Однажды пришла Бехнана в школу, учительница сказала ей:

— Дитя мое, я узнала, что твой отец хочет жениться. Я не хочу, чтобы мачеха мучила тебя, поэтому скажи отцу, чтобы он взял меня. Я буду тебе родной матерью.

— Хорошо, госпожа, — ответила Бехнана.

Вечером она поговорила с отцом, и он согласился взять в жены учительницу. Утром Бехнана принесла ей радостную весть.

Сыграли свадьбу, и все зажили счастливо. Но вскоре учительница связалась с Пери-шахзаде* — сыном падишаха пери, который жил в подвале их дома.

Как-то раз, когда мачеха ушла погулять, Бехнана решила:

— Матери нет дома, **займусь-ка** я уборкой.

Засучила рукава, начала везде чистить, мыть, подметать. Сметая мусор в угол, девушка вдруг зацепилась за что-то своим совком. Приглядевшись, она заметила маленький за-

* шахзаде — царевич, сын падишаха или султана.

** пери — добрый дух, фантастическое существо.

мочек, который закрывал крышку в полу. Отперла она замок, подняла крышку и увидела лестницу, которая вела в чудесный сад. Подумала-подумала девушка и спустилась вниз, а в волшебном саду увидела она очень красивого юношу, который тоже заметил ее.

— О, Аллах, да здесь незнакомый мужчина, — испугалась Бехнана. Она поспешно поднялась наверх, закрыла крышку и заперла замок.

Вечером вернулась мачеха. Поели они, попили и легли спать. Когда все утихло, мачеха спустилась к Пери-шахзаде и, как всегда, спросила его:

— Что лучше: месяц или солнце? Кто краше: ты или я? А Пери-шахзаде горестно воскликнул:

— Не радует меня ни месяц, ни солнце, ни твоя красота. Краше всех на свете Бехнана!

Женщина подумала, что Бехнана и Пери-шахзаде полюбили друг друга. Тогда она решила выжить Бехнана из дому, пошла к старой злой колдунье, поведала ей свои горести и попросила у нее совета.

— Дам я тебе медную ленту, — ответила колдунья, — положи ее себе под матрас, и когда станешь поворачиваться с боку на бок, она громко затрещит. Тогда ты пожалуйся мужу: "Посмотри, дорогой муж, что сделала со мной твоя дочь, слышишь, как трещат все мои косточки. Прошу тебя, мой повелитель, выгони ее..." Так ты избавишься от падчерицы.

Женщина сделала все точно так, как велела ей старая ведьма, и, обманув мужа, взяла с него слово выгнать Бехнана из дому. Утром отец позвал дочь к себе:

— Доченька, сегодня ты поедешь к своему брату. Приготовься, через час я зайду за тобой.

Не прошло и часу, как они пустились в путь. Шли долго-долго, через реки и долины, леса и горы. Наконец подошли к горе, которая снизу доверху поросла лесом.

— Ах! — воскликнул отец. — Я забыл дома то, без чего мне не обойтись. Подожди меня ТУТ.

Той же самой дорогой отец вернулся домой. Бехнана ждала его до вечера, но он так и не вернулся. Когда наступила ночь, она забралась на дерево и просидела там до утра. На рассвете стала она думать, что ей теперь делать. Подумала-подумала и решила искать дорогу домой, да на свое несчастье пошла в другую сторону. Проплутав до полудня, увидела она наконец какой-то дом. Она робко постучала в дверь, и на пороге появился дряхлый старик.

Бехнана рассказала ему о своей беде. Пока она говорила,

старик любовался ею: ведь она была красивая, высокая, стройная, с золотистыми длинными косами, с черными, как вишни, глазами, а лицо ее было невинно, как у ребенка. Старик ввел девушку в дом и сказал:

— В этом доме живут сорок разбойников. Если вечером они не примут тебя, то завтра утром мы подумаем, что делать дальше.

Наступил вечер, сорок разбойников вернулись домой и уселись за стол.

— Скажите, сыны мои, если бы у меня была дочь, которую я потерял, и после долгих поисков она нашла бы меня, то кем бы она вам стала? — спросил старик.

Сорок разбойников ответили в один голос:

— Дочь твоя станет нашей сестрой и в этом и в том мире. Атаман же добавил:

— Но если твоя дочь красива, то я не хочу быть ей братом.

Старик пошел за девушкой и привел ее в комнату. Атаман взглянул на Бехнани и увидел, что Аллах одарил ее такой красотой, равной которой нет в мире. Он удивился и восхитился так, что даже глаза закрыл.

— Эта девушка не родственница мне, — повторил он, — но она будет теперь моей дочерью.

Вот как сильно полюбил девушку атаман!

Оставим Бехнани счастливо жить у разбойников, а сами давайте вернемся в старый дом девушки...

Как только отец выгнал Бехнани, мачеха сразу выздоровела и пошла к Пери-шахзаде и спросила его:

— Что лучше: месяц или солнце? Кто краше: ты или я?

— Не радуется меня ни месяц, ни солнце, ни моя красота, ни твоя прелесть. Краше всех на свете Бехнани! — ответил Пери-шахзаде.

— Глупец, — рассвирепела злая женщина, — я прогнала твою Бехнани в горы. Там ее растерзали волки, там ее заклевали птицы.

Но Пери-шахзаде рассказал ей, где живет Бехнани и как она счастлива, — ведь он был сыном падишаха пери и все

знал. Тут женщина снова пошла к колдунье и попросила дать ей волшебный перстень. Колдунья исполнила ее просьбу. Взяв перстень, учительница пошла в дом, о котором говорил ей Пери-шахзаде. •

— Ах, моя дочь, ненаглядная моя дочь, вероломный отец бросил тебя в горах, насилу я нашла тебя! Выйди, покажись мне хоть разок, беспокоюсь я: не поблекла ли от горя твоя красота.

Девушка ответила, что повидаться с мачехой не может, потому что дверь заперта и открыть ее нельзя.

— Ах, беда какая, ну ничего, просунь хоть свой пальчик. Я подарю тебе перстень на память!

Девушка просунула палец, и не успела мачеха надеть на него перстень, как Бехнана упала на землю и умерла. Мачеха, потеряв разум от радости, вернулась домой.

Вечером пришел атаман и увидел, что девушка лежит на полу, словно мертвая. Поднял он ее на руки, уложил в постель, окликнул несколько раз и, убедившись, что она не просыпается, горько заплакал. Вернулись его товарищи и, узнав, что девушка умерла, решили ее похоронить. Сделали гроб, одели Бехнана в красивые одежды, положили ее в гроб и отнесли его на вершину горы; там и оставили. Атаман каждый день поднимался на гору и оплакивал Бехнана.

Однажды сын султана этой страны гулял вместе со своим воспитателем и увидел на горе мерцанье огонька.

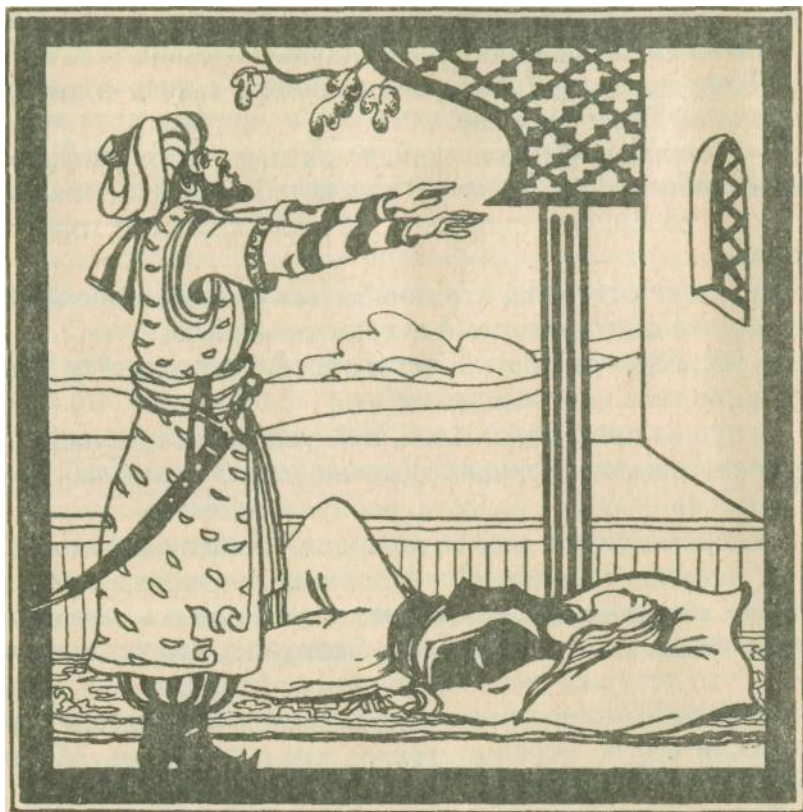
— Лала, — крикнул он, — пойдём-ка посмотрим!

Они поднялись на гору, открыли гроб. Юноша, пораженный красотой Бехнаны, решил перенести гроб с ее телом в свой дворец. Вдвоем они подняли его и понесли, а во дворце уложили девушку в постель.

— Если ты и мертвая так прекрасна, то какова же ты была живая? — восклицал сын султана, в голоде и холоде проводя возле Бехнаны целые дни.

Рассказали об этом султану, он разгневался и приказал

лала — дядька, воспитатель детей в богатых и знатных семьях.

обмыть труп и закопать его в землю. Но во время обмывания сняли с пальца девушки перстень, и она мгновенно ожила. Мало-помалу пришла в себя, рассказала все, что с ней случилось.

Скоро сын султана женился на Бехнанае, а через год она стала матерью. Но пусть ребенок растет родителям на радость, а мы с вами вернемся в дом мачехи.

Как-то учительница опять пристала к Пери-шахзаде:

— Что лучше: месяц или солнце? Кто краше: я или ты?

— Не радует меня ни месяц, ни солнце, ни моя красота, ни твоя прелесть. Краше всех на свете Бехнана!

— Что ты говоришь? — возмутилась злая женщина. — Ведь она умерла.

Тут Пери-шахзаде поведал ей о том, что сын султана женился на Бехнана. Услышала это учительница, в третий раз пошла к колдунье и попросила ее сделать волшебную иглу. Получив от колдуньи иглу, учительница отправилась во дворец и попросила слуг:

— Оставьте нас одних с моей дочерью, мы немного побеседуем.

Слуги вышли, и мачеха, лаская Бехнана, незаметно вонзила в нее волшебную иглу. Бехнана тут же превратилась в птицу и улетела. А женщина одела ее платье, позвала слуг и стала кричать на них:

— Вы оставили меня одну и вот посмотрите, что со мной случилось! Придет мой муж, сын султана, он избьет вас палками.

Сын султана, вернувшись вечером домой и увидев, как подурнела и поблекла его жена, очень рассердился и изругал слуг. Позвали лекарей. Женщина сказала им, что она щедро вознаградит их, только бы они не лечили ее. Лекари приезжали каждое утро, но ни один из них и не собирался лечить больную. Через несколько дней старший садовник, который спал в саду султана, услышал такое, увидел такое, что очень удивился. На одну из трех веток розового куста села птица и позвала старшего садовника:

— Садовник, а садовник!

— Чего ты хочешь? — ответил садовник, с удивлением глядя на небывало красивую птицу.

— Большой шахзаде спит?

— Да, спит.

— А маленький шахзаде тоже спит?

— И он тоже спит.

— Пусть они спокойно спят, пусть вокруг них цветут розы, а сохнут пусть те ветви, на которые я сажусь, — сказала

так дивная птица и улетела. А ветка, на которой она сидела, сразу засохла.

Садовник рассказал все это сыну султана... Наутро птичка снова прилетела, и снова засохли ветки, до которых она дотрагивалась. Сын султана смазал ветви розы смолой и спрятался в шалаше садовника. Как обычно, прилетела птичка и сказала:

— Пусть спит сын султана, пусть вокруг него цветут розы, а те ветви, на которые я сажусь, — сохнут.

Она взмахнула крыльями, пытаясь улететь, но ее лапки увязли в смоле. Подбежал шахзаде, снял птичку с ветки, посадил в клетку и стал ухаживать за ней.

Узнав об этом, коварная мачеха сказала лекарям:

— Попросите моего мужа, чтобы он зарезал птицу, которая живет у него, и дайте мне съесть ее сердце. Я вам дам по пригоршне золота.

Лекари, желая получить золото, стали упрашивать шахзаде, и тот согласился. Но прежде чем отдать птичку лекарям, он взял ее в руки, чтобы приласкать в последний раз, и нащупал на головке ее что-то твердое. Он раздвинул перья и увидел иголку. Недолго думая, вытащил он иголку — и перед ним тотчас же явилась Бехнана, такая же красивая, как и раньше.

— Мой дорогой муж, это все подлая мачеха-колдунья натворила. Она много раз ввергала меня в беду. Накажи ее, — попросила Бехнана и заплакала. Но вместо слез из ее глаз посыпались жемчужины.

— Ах мерзкая женщина, сейчас я отправлю тебя в ад! — разгневался принц.

Сказав так, он отправился в комнату учительницы, а Бехнана пошла за ним следом.

— Ну, колдунья, пришел твой час! Чего хочешь: тупые ножи в бок или путешествие на поганом муле?

— Ножи — моим врагам, а мне дайте мула, — ответила женщина.

Палачи разрубили мерзкую мачеху на сорок частей, по-

грузили на сорок мулов и пустили их в разные стороны, принц и Бехнана продолжали жить в мире и согласии.

ТРИ ИСТОЧНИКА

Давным-давно, где-то далеко-далеко стоял лес. Самые высокие минареты могли бы спрятаться в его чаще, и даже драконы не пытались перелетать через этот могучий лес. Деревья тянулись ввысь, к небесам. Маленьким ребятишкам казалось, что стоит только влезть на верхушку дерева и они смогут достать звезды. Но никто не взбирался на эти деревья! Даже войти в лес не решались от страха. Только один охотник, высокий, словно див*, жил здесь в шалаше, в самой чаще леса. Поговаривали, что охотник действительно в родстве с дивами. У него были сын и дочь. Только отец не глядел на своих детей. Мальчик и девочка всегда были грустные! К тому же у них не было матери. Та бы накормила, выслушала. А мачеха мучила их, била. Отцу пожаловаться они боялись — он с утра до ночи охотился в лесу на птиц, на зайцев, на ланей и знать ничего не хотел, кроме своей охоты да вкусной еды, приготовленной из его добычи. Когда он упускал дичь или когда ему не подавали вовремя жареного, глаза его метали молнии, и он мог сделать страшное: **убить** сына, дочь, жену. Уж такой дикий, **свирепый** был человек! Жена хорошо знала его нрав и всегда старалась угождать мужу. Но вот стряслась беда: куда-то исчезла куропатка; охотник принес три, а осталось две. Жена искала всюду, но не могла найти. Стала она бить детей. Те клялись, что не виноваты, но мачеха не верила им.

лив — фантастическое существо, **злой дух**, распространенный персонаж **восточного** фольклора.

Однако делать было нечего — куропатки-то нет. Придет муж и избьет ее до смерти. И так она боялась побоев, что взяла нож и отрезала себе грудь. Посолила, поперчила, изжарила вместе с оставшимися куропатками. Вечером поставила она еду перед мужем. Он ел, чуть язык не проглотил. Уж очень ему понравилось **кушанье!**

— Куропатки сегодня **вкусные**, жена, — сказал он, обливаясь, и предложил: — **Отведай и ты**, жена.

Задрожала жена и отказалась. Охотник принялся снова есть, но вдруг оттолкнул блюдо, сверкнул глазами:

— Что-то тут неладно, мясо не похоже на мясо куропатки: оно слишком вкусное и нежное. Говори, жена, в чем дело. Не бойся, я не рассержусь.

У жены со страху в горле пересохло, но в конце концов она во всем призналась. Муж сдержал слово — не гневался. Напротив, даже обрадовался. Однако жену не пожалел: кроме своего брюха, он ни о чем не думал.

— А вкусно человечье мясо, жена!

Потом охотник закрыл лицо руками и задумался. Иногда он облизывал губы и повторял:

— Ах, как вкусно человечье мясо!

У жены екнуло сердце: а если муж потребует вторую грудь? Она закрыла ее руками и с отчаянием сказала:

— Если тебе так понравилось человечье мясо, зарежь **детей!**

— Разве у них мясо? Кожа да кости, — вздохнул охотник.

Мачеха посоветовала:

— Тогда все очень просто. Сорок дней будем их откармливать, они станут жирными, а потом ты их зарежешь и съешь!

— Так и сделаем, — ответил довольный охотник. — Подкормим, а потом зарежем **и съедим** обоих сразу, насладимся человечьим мясом!

В эту ночь дочь охотника не спала и услышала, о чем говорили отец с мачехой. Она закричала, но тут же руками

зажала себе рот...

Девушка не могла заснуть до самого рассвета. Утром поднялась как ни в чем не бывало, будто не она слышала страшные слова, а кто-то другой. Не рассказала даже брату. Только стала каждый день приносить из лесу маленький камешек и класть его под подушку. Ночью, когда все засыпали, девушка поднималась и начинала... считать камешки, светлячки светили ей, было светло, как днем.

Много таких ночей прошло, и еще одна настала. Снова прилетели светлячки. И опять она стала считать камешки. Посчитала, потом еще раз пересчитала. На глаза навернулись слезы. Камешков было тридцать девять. До их смерти оставался один день! Девушка решила разбудить брата, но он крепко спал. Да он еще и заплачет, тогда отец с мачехой проснутся и обо всем догадаются,

Девушка тихонько-вышла, поймала несколько сверчков и попросила их разбудить брата. Сверчки запели'красивые песни, и мальчик проснулся **сулыбкой**:- Старшая сестра взяла его на руки и, посадив, начала одевать.

— Пойдем погуляем при луне, — сказала она, — сверчки будут петь нам песни, а светлячки поиграют с тобой.

Вышли из хижины. Девушка рассказала брату всю правду. Брат был маленький, заплакал. Но плакать было некогда, и дети кинулись бежать...

Бежали долго, пока не стало светать. Светлячки гасли, сверчки умолкли и заснули. Дети устали, ноги подгибаются, руки болят. Но они не останавливались. И вдруг мальчик наступил на колючку. Встала сестра на колени колючку вытащить и оглянулась назад: видит — гонится за ними следом отец! Взялись за руки дети, побежали, пот градом струится, задыхаются... И вот, слава Аллаху, встретили старую женщину. Сидит она у родника и расчесывает свои седые волосы перед **маленьким** зеркальцем. Дети кинулись к ней.

— Бабушка, спрячь нас, спаси! — взмолились брат с сестрой и рассказали ей о своем несчастье.

Старуха прослезилась:

— Как я вас укрою здесь? Отец ваш убьет нас всех вместе. Спрятать не могу,, но помочь — помогу. Возьмите зеркальце, гребешок и глину кил*. Станет отец догонять, бросьте сначала кил, потом гребешок, под конец зеркало. Они помогут вам спастись.

Дети взяли кил, гребешок и зеркало и пустились бежать. А отец уж настигает их, вот сейчас схватит!

— Куда вы спешите? Сначала поешьте, а потом гулять отправляйтесь, — кричал отец (да благословит его Аллах за это — первый раз в жизни так сказал!).

Маленький братец, услышав ласковые слова, остановился. Отец схватил было его за руку, но тут сестра бросила на землю кил, и между ними легло болото. Полез охотник в эту трясины — по пояс провалился, с проклятиями стал выбираться, а дети бросились бежать.

И снова отец стал догонять их, снова бормотал сладкие речи. Но даже мальчик не слушал отца. Сестра бросила на землю гребешок — миг вырос колючий кустарник. Отец мечется, руки и ноги в кровь обдирает... Завидев кровь на отце, девушка пожалела его. Да вспомнила, как отец хотел погубить ее и брата. Он — див, только див может так продирается сквозь колючий кустарник! И девушка больше не оборачивалась назад, чтобы не видеть мучений отца. Теперь уж он не догонит их. Дети пошли медленнее — ноги подкашивались от усталости.

— Воды, воды! — молил брат и плакал от жажды.

Слезы попадали на губы, мальчик облизывал их — все-таки вода, да слезы-то солонны, и пить хотелось все больше и больше.

А охотник тем временем догнал детей, подкрался тихонько и схватил дочь за плечо. Выпало из рук ее зеркало, девушка обернулась назад — а там без конца и края бирюзовое море. На одной стороне стоит отец, на другой — она

кил — особая глина, употребляемая вместо мыла.

с братом. Море было так велико, что отец казался меньше воробья. На душе у детей стало спокойно. Только мальчику по-прежнему хотелось пить, а вода в море была соленая.

Солнце стояло высоко, воды нигде не было. До захода солнца искали дети воду. Измучившись, сели под деревом. Мальчик уткнулся лицом в землю и застонал, а девушка закрыла лицо руками.

Тут вдаль показался всадник. Увидел девушку-красавицу, остановил коня. Детям показалось, что это добрый человек.

— Дочь моя, что вы здесь делаете? Почему плачет мальчик? — спросил всадник.

— Мы все вокруг обошли, тут нигде нет ни капельки воды! — сказала девушка.

— Видите деревья на том холме... — начал всадник, но, не договорив, запнулся. Он снова взглянул на мальчика и девушку, пожалел их и закончил свои речи:

— Там есть три источника. Кто напьется из первого источника, тот станет рыбой; кто напьется из второго — станет ягненком; кто напьется из третьего источника, с тем ничего не случится, только жажду утолит. К первому и второму источникам не подходите, напейтесь из третьего!

Произнес последнее слово, и след его простыл. Брат с сестрой, спотыкаясь и падая, стали карабкаться на холм. Наконец вдаль блеснула вода.

Мальчик бросился стрелой. Он так хотел пить, что обо всем забыл. Бежал так быстро, что не смог остановиться перед первым источником. Добежал до второго источника, нагнулся и стал пить. И тотчас превратился в черного ягненка, а напившись принялся прыгать, играть, словно был рожден ягненком. Сестра рыдала, рвала на себе волосы. Что делать? Не напиться ли из источника и не стать ли ягненком, как брат?

Девушка плакала, а время шло. Наступил вечер, вода и деревья стали черными, засветились звезды. Заухали филины, и завыли волки. Девушка испугалась. Она взобралась

на дерево и всю ночь, не смыкая глаз, просидела на ветвях.

Наступило утро, взошло солнце. Подъехал к воде всадник, красивый, золотистые кудри кольцами вьются. Он направил своего гнедого коня к источнику.

Конь наклонил голову к воде, но вдруг отскочил в сторону. Всадник удивился, снова подвел коня к источнику. Конь отпрянул, взметнулся на дыбы и заржал. Всадник его гладит, уговаривает, снова к источнику поворачивает. А конь опять на дыбы. Тогда всадник посмотрел в воду. И что же он увидел? В воде — отражение женщины! Всадник поднял голову — на дереве сидит красавица. Девушка словно спорила с восходящим солнцем: "Ты, солнце, не вставай, я встала!" Вот как она была красива.

Красота девушки ослепила всадника:

— Кто ты, злой дух или демон?

Девушка-красавица заплакала — ей стало обидно:

— Я не злой дух и не демон, я — человек.

И рассказала ему все. Юноша сначала не верил ее голубым глазам. Может быть, это сон или наваждение? Потом он заплакал вместе с дочерью охотника, ее горе стало его горем, а ее радость — его радостью. Юноша пленился ее красотой. Посмотрел он в глаза девушки и спросил ее:

— Хочешь стать моей женой?

Девушка согласилась. Теперь она станет женой сына могущественного падишаха. Юноша поклялся исполнять все желания жены. Потом он вскочил на своего гнедого коня. Дворец был далеко, сын падишаха летел на крыльях, а радость не вмещалась в его сердце. Встречным юноша спешил рассказать о своей возлюбленной, о ее красоте, об их любви и о ягненке-брате. Слезы наворачивались на глаза, когда он вспоминал ягненка. А прохожие, продолжая свой путь, обсуждали услышанное. По дороге шла девушка-арапка. Рассказали и ей о красавице. Арапка побежала к источнику и поспела прежде, чем сын падишаха до своего дворца доехал. Арапка захватила с собой платье и вышитые туфельки. Подойдя к источнику, она обратилась к дочери охотни-

ка:

— Меня прислал сын падишаха. Спустись, я наряжу тебя, причешу. Скоро возвратится твой жених!

Арапка поцеловала ягненка, сказала, что знает всю их историю. Девушка-красавица поверила, спустилась с дерева. Арапка усадила ее возле первого источника, сняла с нее лохмотья, надела шелковое платье, принялась расчесывать ее косы. И тут толкнула девушку в воду. Ягненок ничего не мог поделать. Он только горько и жалобно заблеял. А арапка золотым гребнем расчесала свои черные волосы, умылась, но не стала красивее. Надела старое платье дочери охотника и решила, что теперь она красавица. Взобралась арапка на дерево и стала поджидать сына падишаха. Тот не замедлил, примчался. Взглянул на дерево и остолбенел. Арапка спустилась с дерева и принялась корить юношу, отказывалась любить его. Сын падишаха только одно спросил:

— Почему ты так почернела?

Арапка давай жеманиться:

— Ты долго не возвращался, а солнце меня жгло, вот я и почернела; если я буду в тени и прохладе, то снова стану белой.

— Но отчего ты так груба и руки у тебя некрасивы?

— Я исколола руки на дереве, их искусили комары. Приди ты вовремя, этого не случилось бы.

— А почему глаза твои изменились? На лоб вылезли?!

Арапка и на это нашла ответ:

— Мой любимый маленький брат стал ягненком, я долго плакала, и глаза мои опухли от слез, а ты все уже забыл! — солгала она.

Сын падишаха поверил: в прохладном и тенистом саду девушка снова станет красивой. Юноша взял невесту и ягненка и вернулся во дворец. А там уж готова свадьба. Она продолжалась сорок дней и сорок ночей. Весь город собрался, но никто не веселился. Те, кто любил сына падишаха, опечалились, глядя, как он женится на уроде.

После свадьбы юноша не расставался с ягненком. Дома

ему не сиделось: жена не стала белее, и мужу она опостылела; а дальше — еще хуже: арапка заболела. Со всех концов созвали врачей, но ни один не мог помочь жене сына падишаха. Болезнь у арапки была странная: она пила-ела и толстела, а с постели не вставала и плакалась:

— Так я никогда не стану белой, не поправлюсь, и виноват во всем ты, ты довел меня до полусмерти!

И требовала от мужа птичьего молока. Вдруг ей захотелось съесть черного ягненка. Сын падишаха бросился к ногам жены и стал умолять ее:

— Он твой родной брат, разве ты сможешь есть родного брата?

Арапка хохотала:

— Он — ягненок и мне не брат!

Врачи тоже стали говорить:

— Если она съест ягненка, то, может, и побелеет.

Сын падишаха поверил врачам, сердце его обливалось кровью, но он уступил. Пошел к ягненку, начал его целовать в глаза и плакать. Ягненок чуял беду, и слезы полились из его глаз.

Между тем послали за мясниками, начали точить ножи. А ягненок исчез.

Солнце скрылось, наступил вечер, ягненок не возвращался. Арапка во всем винила мужа. Сын падишаха клялся, что он не виноват, но жена не верила ему или прикидывалась, что не верит,

— Если ты захочешь, то ягненка найдут! — кричала она.

Пока муж с женой спорили, мимо трех источников проезжал всадник. Около первого источника он заметил ягненка и сразу узнал любимого ягненка сына падишаха.

— Что тут ищет в позднее время ягненок? — удивился всадник и подъехал ближе. Ягненок плакал над источником и говорил:

— Сестра, сестра! Арапка столкнула тебя в воду, а рыба проглотила тебя. Мясники пришли меня резать, арапка хочет съесть меня!

Всадник помчался в город. Он летел без передышки и к утру добрался, кинулся к сыну падишаха. Не дослушав, сын падишаха поскакал к трем источникам, а там по-прежнему горько-горько плачет ягненок:

— Сестра, сестра моя! Арапка столкнула тебя в воду, и рыба проглотила тебя. Мяслики пришли, наточили ножи, хотят меня зарезать, арапка съест меня!

Сын падишаха все понял.

Взял он ягненка, вернулся в город, собрал рыбаков и приказал выловить всю рыбу из источника. И пока они заводили сети, огромная рыба потянула одного рыбака в воду. Рыбаки еле вытащили рыбу и испугались. Рыба не билась, а смотрела на людей человеческими глазами. Быть может, девушка напилась воды из источника и стала рыбой? А может, это — пери* ? Размышлять не стали, выпотрошили рыбу и вытащили оттуда красавицу-девушку — дочь охотника. Она тихо дышала и, казалось, спала.

Вернулись во дворец. Сын падишаха велел привести четырех мулов. Руки и ноги арапки привязали к мулам. Они должны были разорвать арапку на куски... Вдруг глаза всех обратились в другую сторону. С неба упали три яблока. Одно яблоко дали ягненку, он съел его и снова стал красивым мальчиком. Второе яблоко положили на грудь его сестры, и она проснулась. Третье яблоко куда-то укатилось, и никто не мог его найти. Это яблоко найдет ребенок, когда прочитает эту сказку, и все его желания исполнятся, а весь мир узнает о его добрых делах. После этого в мире воцарится счастье, безбрежное, как океан.

пери — добрый дух, фантастическое существо.

СУЛТАНША ИЗ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Было или не было, а в прежние времена, в решете ли, в соломе ли, жил один хакан*. Сколько ни рождалось у него детей, все умирали... Наконец родилась у хакана двочь.

— Что мне делать, чтобы хоть эта моя дочь выжила? — спросил хакан у своих приближенных.

— Мой хакан, надо построить пещеру под землей и спрятать девушку туда — другого выхода нет, — ответила стоявшая рядом старушка.

Хакан так и сделал. Он приказал выкопать подземелье и поместить малютку туда... Каждый день, утром и вечером, слуги навешали девушку. Прошло время, и бедняжка стала самой красивой девушкой на свете. Когда ей исполнилось пятнадцать лет, она стала скучать в своем подземелье. Однажды составила она все столы, на них — стулья, потом влезла наверх и разбила стекло в потолке пещеры. Выглянула она в окно и видит — перед ней раскинулись моря, горы, деревья, а на деревьях сидят птицы. "Ах, значит не только подземелье есть в этом мире!" — подумала девушка и спустилась обратно в пещеру. К вечеру пришла к ней служанка и, увидев разбитое окно, спросила:

— Кто разбил стекло?

— Я, — ответила девушка.

хакан —: правитель из тюркской династии.

— Зачем ты это сделала? Узнает твой отец хакан — разгневается.

— Не буду я больше жить в этой темнице, — говорит девушка.

Служанка побежала к хакану и рассказала обо всем.

— Что мне теперь делать? — спросил хакан своих приближенных.

— Надо выпустить ее наверх, но только не сразу: пусть она немного погуляет, а потом опять вернется в пещеру, — посоветовали они.

Хакан позвал невольницу и приказал:

— Выведите дочь мою на свет! А когда она погуляет немного — отведите ее снова в пещеру.

Невольница отвела девушку в долину роз. Воздух там благоухал, на ветках пели соловьи. Тихий весенний ветерок ласкал волосы красавицы. Долина роз лежала на самом берегу моря, под золотыми лучами солнца. Посмотрела бедняжка на море, на цветы, пришла к отцу и сказала:

— Отец мой, построй мне на этом красивом море хрустальный дворец с золоченым полом, с алмазной и золотой мебелью... Если не сделаешь, что я прошу, — утоплюсь в море! Все меня называют "Султанша из подземелья". Не хочу больше жить в пещере, хочу остаться в солнечном мире.

Падишах обещал выполнить просьбу дочери, отдал приказ, и за один год посреди моря построили хрустальный дворец. Сказали хакану, что все выполнено. Он пошел посмотреть — видит, стоит хрустальный дворец, такой красивый, что глаза слепит. Такую красоту словами нельзя описать — на весь мир дворец сверкал...

Пришла и дочь, поцеловала руку отца.

— Дочь моя, вот и построен твой дворец. Возьми сколько нужно невольниц и живи там счастливо, — сказал хакан.

И султанша взяла несколько молодых невольниц и перешла жить в хрустальный дворец.

Слава об этом дворце облетела весь мир. Услышал о красоте дворца и сын йеменского хакана. Он сказал:

— Отец, разреши мне поехать в Стамбул! Я хочу посмотреть на хрустальный дворец, равного которому нет в мире.

Отец разрешил. Молодой шахзаде* сел вместе с несколькими товарищами на корабль и поплыл в сторону Стамбула. Еще издали увидели они, как сияние хрустального дворца освещает море. Такой блеск — глаза слепит...

— Это, верно, и есть хрустальный дворец, — сказал шахзаде.

Приблизились к дворцу, поплыли вокруг него — шахзаде все глазам не верил. К вечеру корабль бросил якорь у дворца. Тут и султанша из своего окна взглянула на корабль. Видит — стоит на корме красивый юноша и смотрит на хрустальный дворец. Она сразу душой и сердцем влюбилась в юношу, красивого, как четырнадцатидневный месяц, храброго, как лев.

А шахзаде, как только увидел девушку, от волнения чувств лишился, замертво упал. Но недолго он оставался в стране султанши. Поднял паруса и вернулся на родину.

На следующий день султанша стала искать корабль — не нашла и залилась слезами. Она ведь хотела встретиться с юношей, которого полюбила всем сердцем. Вся в слезах пришла девушка к отцу:

— Отец, дорогой отец! Построй мне корабль из алмазов, с мачтами из яхонтов. Если не сделаешь этого — я умру.

— Как ты пожелаешь, так и будет! — ответил падишах и отдал приказ. За два года построили такой корабль. Поцеловала девушка руку отца и просит:

— Отец, разреши мне отправиться путешествовать на этом корабле.

— Дочка моя единственная, что хочешь, то и делай, — отвечает отец.

Девушка взяла на корабль сорок невольниц и сорок храбрых рабов и поплыла в открытое море. Правила кораб-

шахзаде — царевич, сын падишаха или султана.

лем сама султанша, помогал ей старый капитан. Развернули паруса и через много дней приплыли к берегам Йемена, причалили к берегу. Народ сбежался — никто никогда не видел подобного корабля, стоят, смотрят.

Сообщили о корабле хакану Йемена. Тот послал своего дядю встретить путешественников. Увидела султанша лодку, нарядила всю команду в красивые одежды, а сама оделась капитаном. Поднялся дядя йеменского хакана наверх, спрашивает:

— Вы кто такие?

— Я сын купца, — отвечает султанша.

Дядя вернулся во дворец и рассказал хакану Йемена:

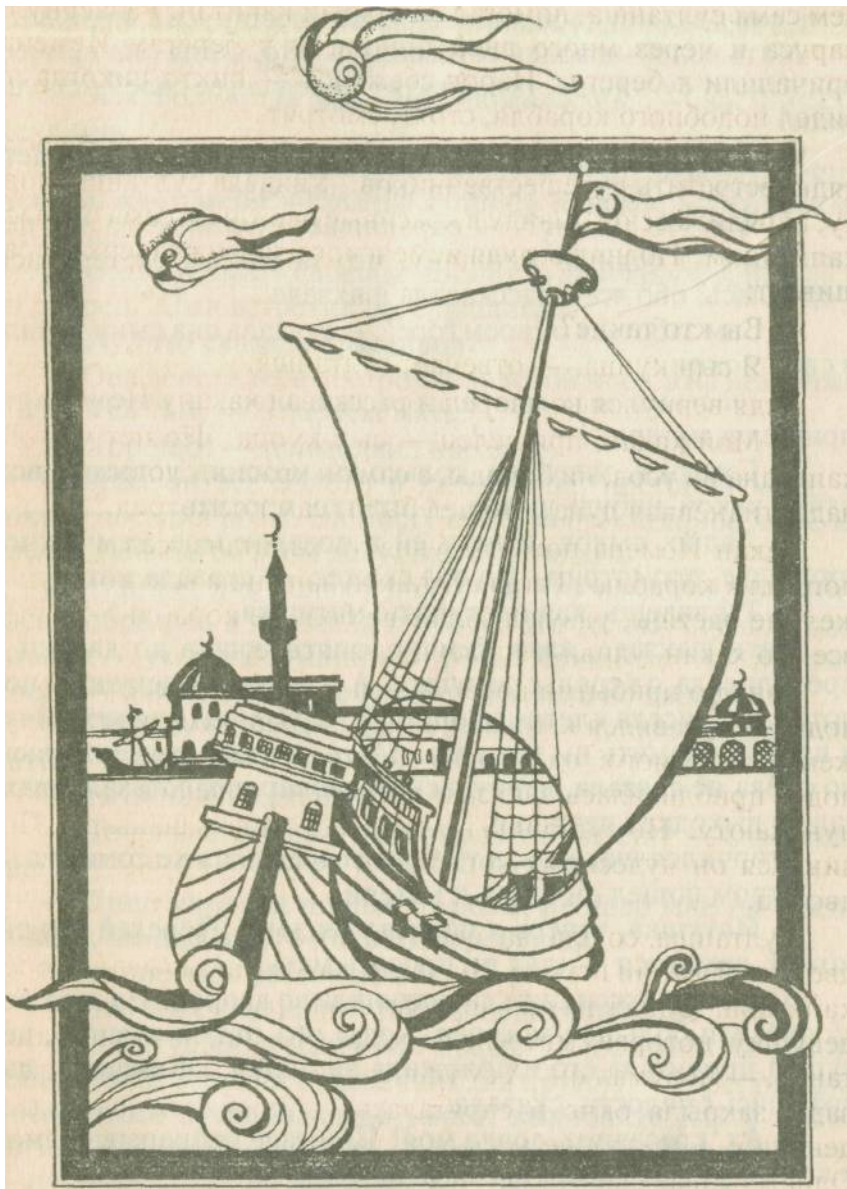
— Мой хакан, пришелец — сын купца. Но нет у этого капитана ни усов, ни бороды, а сам он красив, словно четырнадцатидневная луна. Пошел бы ты сам посмотрел...

Хакан Йемена пожелал увидеть капитана, сел в лодку, поплыл к кораблю. Тогда султанша нарядила всю команду в желтые одежды, разукрасила еще больше корабль. Увидел все это хакан, удивился и вернулся к себе.

Узнал о прибытии корабля и шахзаде и тоже, прыгнув в лодку, направился к кораблю. Султанша, заметив приближение любимого, одела всю команду в зеленое. Только лодка приблизилась, шахзаде встретили, повели в хрустальную каюту. Но султанша не дала себя узнать шахзаде. Подивился он чудесному кораблю и вечером возвратился во дворец.

Султанша сошла на берег и поселилась в маленьком дворце. Так они и жили. Шахзаде часто разглядывал дворец капитана. Однажды он вдруг заметил красивую, как газель, девушку, которая смотрела из окна. "Видно, это жена капитана", — подумал он. А султанша, как только увидела шахзаде, закрыла окно и спряталась... Влюбился шахзаде в девушку, мечтал еще хоть раз увидеть ее. но никак не мог. Однажды шахзаде сказал матери:

— Мать, вот в том дворце напротив живет очень красивая девушка, отнеси ей в подарок эту подкову из яхонта, пусть

хоть раз покажет свое лицо — или я расстанусь с жизнью.

Мать волей-неволей согласилась. Но, когда она принесла подкову султанше, та сейчас же передала ее своей невольнице.

— Дочь моя, шахзаде шлет тебе привет и хотел бы видеть тебя утром у окна, — сказала мать шахзаде.

— Что это значит? — спрашивает султанша да так посмотрела на бедную женщину, что та совсем растерялась. Вернулась, обо всем рассказала шахзаде.

— Сам заботься о своем горе! — сказала она сыну и ушла в свои покои.

Несчастный шахзаде плакал всю ночь, а утром опять пришел к матери.

— Сжался, матушка, только ты можешь устроить все, найди какой-нибудь выход, — стал он просить.

— Ладно, сынок, отнесу ей в подарок мое жемчужное ожерелье, посмотрим, что она скажет, — сказала мать.

— Ты знаешь, как поступить, матушка.

Мать шахзаде, взяв жемчуг, опять пошла во дворец и преподнесла ожерелье девушке. А в комнате девушки под потолком висела клетка с попугаем. Султанша взяла жемчуг и начала кормить им попугая. Мать шахзаде рассердилась, но слова не сказала, вернулась во дворец и рассказала шахзаде о выходах девушки.

Огорчился шахзаде, в ту ночь совсем глаз не сомкнул.

Утром пошел он опять к матери.

— Матушка, теперь я написал письмо. Передай его ей, может, сжалится — стал он просить мать.

Несчастливая женщина снова пошла во дворец. На этот раз ей оказали больше уважения: когда она отдала письмо, девушка прочитала его и положила на полку. Женщина, набравшись смелости, сказала:

— Ах, красавица, дочка моя! Шахзаде непрерывно днем и ночью льет слезы. Покажись хоть разок моему сыну!

— Госпоже! иалиде*, я себя так легко не показываю, — **ответила** на это девушка.

— Ты получишь все, чего пожелаешь, — настаивала женщина.

— Пусть твой сын построит золотой мост, на нем устроит ложе и ждет меня — тогда я приду к нему, — ответила султанша

Пооле лого ма і ь шахзаде покинула девушку и вернулась во дворец. Сын встретил ее, спрашивает:

— Ну, что сказала красавица?

— Она велела тебе построить золотой мост, а на нем ложе и ждать ее там, — ответила мать.

— Хорошо! — промолвил шахзаде.

Собрал он все золото в казне отца, построил мост, а вокруг посадил розы. На мосту поставил роскошное ложе и, послав сказать об этом девушке, стал ждать.

Султанша, как только получила это известие, нарядилась, собралась и подошла к мосту. Но только ступила она на мост — укололась шипом от розы. Крикнув: "Аи, личико мое!", — повернулась девушка и убежала во дворец.

— Почему она вернулась? Узнай! — попросил шахзаде мать.

Мать пошла к девушке.

— Доченька, почему ты вернулась от моста? — спросила она.

— Лицо уколола шипом от розы, не надо мне ни моста вашего, ни шахзаде, — ответила девушка.

Мать шахзаде рассердилась:

— Что тебе еще надо? Все ты недовольна!..

— О матушка, сказать вам правду? Поставьте на одном конце моста золотой подсвечник, на другом — серебряный. После этого пусть шахзаде умрет, выкопайте ему у моста могилу и опустите его туда. Тогда я подойду, стану над ним — пусть вдоволь насмотрится! — говорит султанша.

валиде — букв, "матушка", почтительное обращение к женщине.

Испугалась мать шахзаде и рассердилась, но ничего не сказав, вернулась во дворец.

— Что она еще хочет, мать? — спросил шахзаде.

— Теперь она хочет, чтобы ты на одном конце золотого моста поставил золотой подсвечник, на другом — серебряный, а потом чтобы ты умер и лег в могилу, тогда она придет и покажется тебе, — ответила мать.

— Все сделаю, посмотрим, что будет! — сказал шахзаде и сделал все так, как захотела девушка.

А султанша снарядила корабль, погрузила на него все вещи из дворца, а потом взошла на мост и подошла к могиле:

— Встань, мой шахзаде, пойдём на корабль!

Поднялся шахзаде из могилы и пошел вместе с ней на корабль.

— К чему были эти твои проделки? — спрашивает шахзаде.

— А почему ты приплыл к хрустальному замку в Стамбул, а когда я влюбилась в тебя, ты, ничего не сказав, сбежал обратно? Любовь к тебе привела меня в эти края, — сказала она.

Повинились они друг перед другом, шахзаде попросил разрешения у отца, и они вместе поехали в Стамбул. Султанша рассказала обо всем отцу. Сорок дней и сорок ночей справляли они свадьбу, а на сорок первый день достигли исполнения своих желаний.

СЕСТРИЦА СЕДЕФ

Было то или не было, давно, когда я качал люльку своей матери, жил один падишах. Трех сыновей и дочь вырастил тот падишах. Любил он детей больше власти своей. Не нужен ему весь мир, ни на что их не променяет. Для матери сыновья были слаще меда, а дочь — что сливки к меду. Только насладиться ими, своим медом и сливками, ей не пришлось — умерла... Дворец оделся в траур. И тогда черный везир сказал падишаху:

— О мой падишах! Не вечен мрак черных дней! Детям нужна добрая мать, чтоб из всех десяти пальцев излучала свет.

Нарядил, разукрасил везир свою черную дочь и отдал ее за падишаха. Отдать-то отдал, но из какого пальца у нее может заструиться свет, если на всех десяти пальцах дочери черного везира чернота! Аллах, не дай испытать на себе их зло! Раньше она улыбалась даже рабыням, теперь пришло ее время, и на каждого она разными уловками и хитростями посадила черное пятно. Больше всех досталось сиротке, хуже всех пришлось сиротке... Стала она чернее черного — водой из сорока рек и то не отмоешь. Недаром учат: наговор опасен, как горные стремнины! Осрамила мачеха сиротку даже в глазах родного отца и добилась — падишах прогнал от себя дочь.

Прогнать — прогнал, да разве родные братья и сестра расстанутся? По ночам, склонив друг к другу головы, горевали вместе...

Как-то мачеха подкралась к двери и подслушала. Как

ворон, набросилась она на них:

— Ах вы, горе на мою голову, опять собрались вместе и сговариваетесь против меня? Постоите, вот я спляшу для вас, чтоб судьба вам улыбнулась!

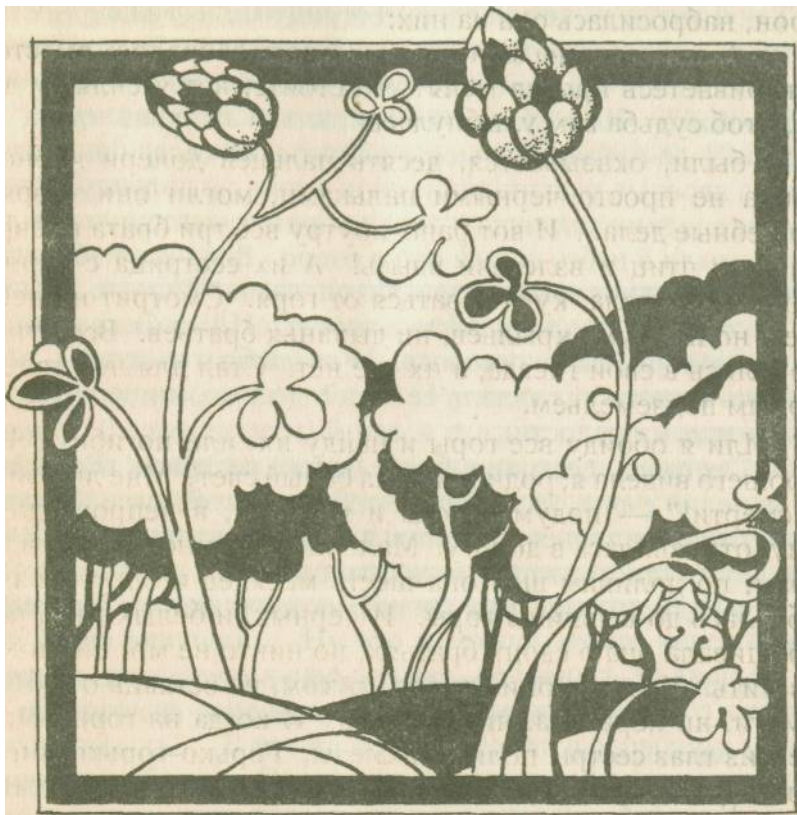
А были, оказывается, десять пальцев дочери черного везира не просто черными пальцами, могли они творить волшебные дела... И вот рано-поздну все три брата превратились в птиц и взлетели ввысь! А их сестрица с черной судьбой не знала, куда деваться от горя. Смотрит на небо, ждет, но ни шума крыльев, ни дыханья братьев. Все птицы вернулись в свои гнезда, а их все нет. Стал для нее дворец черным подземельем.

"Или я обойду все горы и найду их, или погибну. Что хорошего видела я, родившись на белый свет? Мне ли бояться смерти!" — подумала она и вечером, в непроглядную тьму, отправилась в дорогу. Мало ли шла, много ли шла, по горам, по долинам шла она шесть месяцев и одну осень и добралась до вершины горы. И черных, и белых птиц расспрашивала она о своих братьях, но никто не мог ей ничего ответить. Улетели они друг за другом, не оставив о себе ни памяти, ни перышка, ни словечка. И когда на горы выпал снег, из глаз сестры полились слезы. Горько-горько заплакала она. Да разве услышит и сжалится дочь везира, чтоб счастье ее обернулось несчастьем?..

Посмотрела сирота кругом, и что бы вы думали? Три птицы, все три белые, кружатся над ее головой! Вскинула она руки, как дерево ветви, но птицы продолжали кружиться, и ни одна из них не подлетела и не села на ее ветку.

Колдовство! Превратила их мачеха в таких птиц, что только с заходом солнца, когда кругом все покрывается мраком, возвращался к ним человеческий облик. Появляется на небе солнце, озаряется земля лучами, расправляют они крылья, улетают ввысь!

К ночи три птицы стали юношами, сестра узнала в них своих братьев. Начали они от радости целовать и обнимать друг друга, а потом стали изливать в слезах все свои горести

и печали. Так провели они всю ночь.

А когда рассвело, три брата сказали ей:

— Сестрица, мы устроим себе жилище в местах, где ни птица не пролетит, ни караван не пройдет. По ту сторону горы есть озеро, а посередине озера остров, а на самой середине острова стоит дом, полный аромата сосен и птичьего щебетанья! С рассветом мы возьмем тебя на крылья и умчим на остров. Не бойся, мы не уроним тебя, не думай об этом: наши крылья — крылья братьев, а не руки мачехи!

Так благодарили они свою сестрицу Седеф за верность.

Рано-рано утром три брата, превратившись в трех птиц, соединили свои крылья. Сестра на них, как на ковре, полетела ввысь... Не успела она закрыть и открыть глаза — добрались до острова! А место райское, но сестрица не глянула на деревья, раскинувшие свои ветви, не дотронулась до плодов, сладких как мед... Только братья, взмахнув крыльями, взмыли в небо, вошла она в озеро. Вода его избавляла от болезни, успокаивала горе. Со словами "Чистота, белизна!" сестрица Седеф опустила в воду. Ни на щеках, ни на лбу следа черноты не осталось! И когда братья-птицы, вернувшись издалека, увидели ее блее молока, чище воды, не было конца их радости:

— Сестрица, сестрица, блее белого сестрица! Если Аллах исцелил раны, нанесенные тебе мачехой, он избавит и нас от птичьих перьев, тогда мы всю свою жизнь проведем в этом изумрудном дворце, в ликовании!..

Радовались, пока сон не настиг их и они не улеглись спать.

Говорят, с какими надеждами ляжет человек, то во сне и сбудется... Приснился сестре кто-то из семи святых или из сорока блаженных:

— Дочь моя, — сказал он, — если ты свяжешь из травы рубашки и наденешь их на братьев, то всемогущий Аллах снимет с них колдовство, и они снова станут людьми. Но только помни — пока ты не кончишь работу, ты ни с кем не должна говорить. Если сможешь сдержаться, скажи "бисмиллях"* и приступай к делу!

Проснулась сестрица Седеф и боится поверить своему сну. Можно ли теперь терять время, упускать такой случай! Как только братья улетели, нарвала она травы и стала вязать рубашки. К вечеру вернулись братья, спрашивают Седеф, что она вяжет, сестра молчит. Испугались братья:

бисмиллях — начальные слова мусульманской молитвы, с которой, по обычаю, нужно начинать всякое дело.

— Рука черной ведьмы-мачехи до всего дотянется, язык в любом месте достанет. С лица сестры сошла чернота, теперь она своим колдовством поранила ей язык!

И принялись как пчелы летать с цветка на цветок, собирать лечебные травы. А сестра продолжала вязать, не проронив ни слова.

Пусть братья-птицы ищут исцеление для сестрицы, они не знают о ее сне!

Как-то в тех краях появился всадник — сын падишаха. Увидел он Седеф, подъехал к ней и стал спрашивать:

— Ты роза с какой горы, из какого сада соловей?

Но и он ничего не добился. Взглянул и сказал себе: "Это пери*!" Взглянул другой раз и сказал: "Это немая!" Сын падишаха полюбил Седеф, решил не откладывать свадьбу. Посадил он девушку на коня и отправился в путь.

По дороге навстречу им летели три птицы. Они начали кружиться над головой, словно желая укрыть их от солнца... Удивился сын падишаха. Не знал он, что три птицы — это три брата девушки... Ну что ж, ехали, ехали через горы и долины, не наступил еще и вечер, добрались до дворца.

Станет ли перечить падишах сыну, когда его ожидает такая радость?.. В тот же вечер ударили в барабаны, начали пировать. Только Седеф не наряжалась, не украшала себя ожерельями: она вязала петлю за петлей, рубашку за рубашкой, чтоб исполнился ее сон...

А один из слуг, оказывается, подглядывал за ней и обо всем падишаху доносил. Как-то вечером падишах сказал сыну:

— Твоя избранница не пери и не простая девушка. Колдунья она, волшебница! Днем прилетают к ней три птицы и стучат в окно, а по вечерам зовут ее в сад. Выходит она в эти часы и, набрав травы, возвращается — кто знает, какое зло она готовит тебе!

Сын падишаха не верил, не слушал наветов, но решил

пери — добрый дух, фантастическое существо.

сам своими глазами все увидеть. Три дня и три ночи провел он в саду, где Седеф встречалась с братьями и собирала траву. Поник головой сын падишаха, а девушку принялись допрашивать. Бедняжка вязанья не бросила, молча роняла слезы. Да, но кто будет считаться с ее слезами?.. Молчит — значит соглашается!

— Пусть погубит красавицу ее красота! — сказали так — и решили снести ей голову!

Палач занес топор:

— Скажи свое последнее желание!

Молчит, вяжет.

— Тогда готовься! — сказал палач.

Девушка и тут не бросила вязанья...

Замахнулся палач, но тут появились три птицы, стали кружить над ее головой. Палач не успел опустить топор: девушка кончила вязать рубашки и набросила их на птиц. О всемогущий Аллах, все три птицы превратились в стройных, как тростинки, джигитов. Обняли они свою сестрицу, а те, кто видел это, верно, за колдовство все приняли, застыли в удивлении.

И вот тогда раскрылись уста Седеф, и она сказала:

— Палач, не убежит твоя плаха, отведи меня к падишаху! Я расскажу ему все. Если он снова повелит казнить меня, то я готова положить голову под твой топор...

Послушался ее палач. Со слезами на глазах она рассказала падишаху о кознях мачехи.

Падишах видит — девушка Седеф чище изумруда, взял ее за руку, отвел к сыну. А своих дочерей отдал за ее братьев. Сорок дней и сорок ночей длилась свадьба. Мачеху их, дочь черного везира, то ли на сорок частей разорвали, то ли на сорок кусков разрубили. Мы же теперь можем уйти. С неба еще три яблока упало, это тем, кто не порочит других!

ЗОЛОТАЯ ТУФЕЛЬКА

Было — не было, ведь рабов у Аллаха много, — а в одном царстве жила девушка-сиротка. В день, когда мать ее прахом оделась, в душе девушки запылал огонь, а лицо пеплом покрылось. Разве сияет улыбка на лице сироты? Хоть бы отец защитил ее своими крыльями, своим телом... Но не успела высохнуть земля на могиле матери, как передал он свою дочь заботам мачехи... Сердце у мачехи было каменное. Отец, правда, берег руки дочери от холода и жары, да, спаси вас Аллах от такой судьбы, новая жена его передохнуть девушке не давала, всякую ношу таскать заставляла, по кручам гоняла, в решете из родника воду носить посылала. Эта работа была такой тяжелой, что иголкой вонзалась в глаза. Но еще трудней вынести обиду: гора и та не выдержала бы, ног нет, а убежала бы. Так шею гнуть может только желтая корова да петух с серьгой. Кровать девушки стояла в хлеву. Там она и подружилась с ними, водой не разольешь. Научились они понимать друг друга.

Каждый день рано утром голосистый петух звонко кукарекал в ногах кровати, приговаривая:

— Проснись, моя сиротка, проснись, много горя на земле, много и радости; черные дни не могут быть бескрайними, как море. И для тебя наступят светлые дни, может быть, сегодня, а может быть — завтра! Только держи в чистоте свое сердце.

Его слова зажигали в девушке искорку надежды. Эта

искорка, разгораясь все ярче, согревала душу сироты, и она крепко прижимала голосистого к своей груди.

Желтая корова, которую девушка звала "мое Золотко", старалась быть ей матерью. Кормила она сироту, не знавшую материнской улыбки, из одного соска медом, из другого — сливками. И девушка была ей дочерью, ласково обнимала ее за шею и всякое горе изливала ей, как родной... Потому-то сирота так радовалась, когда уходила вместе с желтой коровой на яйлу*, куда прогоняла ее мачеха.

* * *

В один из дней пошла девушка со своей желтой коровой искать луг, где много вкусной травы. Отыскав хорошее пастбище, она пустила корову пастись, а сама села под дерево, клубок за клубком шерсть прядет. Вдруг с вершин гор подул сильный ветер, подхватил клубок и понес...

Сирота не знала, куда деваться от страха! Ведь мачеха ее ни ветра не признает, ни града. Аллах тому свидетель, девушку жестоко наказывали за одну вязальную спицу, а уж за клубок шерсти ее ожидает такое, что трудно и представить доброму человеку!

Девушка пустилась бежать за клубком. Клубок летит, сиротка следом, клубок летит, сиротка следом; и как нарочно, ни за кустарник не зацепится, ни в ветках не застрянет, а ветер, знай, дует... Катился, катился клубок и закатился в какой-то домик, а девушка за ним вдогонку... И вдруг видит она, что бы вы думали, седовласую старушку! Сидит та на циновке, а перед ней зеркало стоит... Девушка подошла к

* яйла -г летнее пастбище в горах.

старушке, низко склонила голову.

А было то зеркало зеркалом судьбы. Всякий почтенный человек, постигший мудрость, мог увидеть в нем все, что случилось в жизни.

Потому-то, когда девушка-сирота начала рассказывать седой старушке, как она очутилась у ее порога, та ответила ей:

— Не утомляй себя, дочь моя, я все, все видела; я слышала, как блеет ягненок, потерявший мать. О дитя матери своей! Я знаю, что ты вынесла, что сердце твое испытало... Ветер подул и унес клубок, не так ли? Пусть будет к добру; клубком тем свяжут руки и язык злого шайтана. Если боишься мачехи, возьми овечьей шерсти, что растет на моей голове, возьми столько, сколько тебе нужно; приготовь пряжу, смотай ее в клубок и покажи мачехе!

Девушка не поверила своим ушам:

— О бабушка, что вы говорите! И что скажет Аллах, если я, спасая себя, вырву из вашей головы хоть один волосок; не убьет ли он меня за такой грех? А потом, что бы я ни делала, все колет глаза моей мачехе. Кувшин ли разобью, воды ли принесу — во всем найдет она повод для брани. Если я отдала клубок ветру, пусть она отдаст меня потоку, мне все равно, ведь я ни разу в жизни не улыбнулась.

Сказала она так и залилась горькими слезами.

— Не плачь, дочь моя, не плачь. Если мачеха не дает радости тебе, девушке с золотым сердцем и чистой душой, то Аллах пошлет тебе счастье, будет такой день. Освежи водой свое лицо и глаза!

Молвила старушка эти слова и взмахнула руками. Колдовством ли назвать, чудом ли прозвать, как ни сказать, из десяти ее пальцев капля за каплей заструился свет. Девушка-сиротка, и не догадавшись, какой станет, омыла лицо и глаза теми каплями. Потом помолилась за старушку, нашла желтую корову и пошла домой.

Поглядела на нее мачеха, смерила взглядом с ног до головы и закричала так, что земля затряслась:

— О Аллах, до чего мы дожили! Слава Аллаху, что камни еще не падают нам на голову. Эфенди, подойди посмотри на проделки своей дочери. Нога ее больше не ступит на мой порог! Даже виноград чернеет от соседства с гнилой ягодой, а у нас в доме моя дочь, что роза!

Прибежал отец, поглядел на свою дочь и что же видит: насурмленные брови — будто лук изогнулись, губы огнем пылают, на щеках разбрызганы родинки!

У него даже язык отнялся.

— Так-то благодаришь ты меня за хлеб, девчонка, — наконец сказал он. — Что это за розы у тебя на щеках, что за сурьма на бровях? Ты хочешь опозорить наш дом и обесчестить наше имя? Нет тебе здесь места. Какой бродяга сбил тебя с пути, к тому и иди!

Бедная девушка не могла понять, что случилось. Кровь похолодела в ее жилах. Вот-вот в глазах у нее потемнеет и замутится ее рассудок, а тут еще мачеха ударила ее по голове и сунула в руки зеркало. Упала девушка, как подкошенная. Когда же пришла в себя, посмотрела в зеркало и увидела, что глаза ее и лицо светятся, будто звезды и луна. Поняла она тогда, что обязана этим старушке: "Так вот почему, они кричали на меня! А я ведь тоже подумала, что на лице у меня след какого-то греха". Сказала она так сама себе и жалобно-жалобно заплакала. Но вот чудо! Чем больше она плакала, тем красивее становилась. Была красавицей, а стала будто пери*... И тут желтая корова по милости Аллаха заговорила:

— О жестокосердые мучители, как только может ваш язык порочить сироту! На восходящей луне, на заходящем солнце и то есть пятна, на ней же нет. Я свидетель тому, земля и небо свидетели тому!

Слова ее как гром в ясный день грянули. Отец повернется, посмотрит корове в глаза, повернется, посмотрит дочери в лицо. Наконец говорит жене:

пери — добрый дух, фантастическое существо.

— А ведь корова не лжет: ум мы еще не потеряли, глаза тоже есть. Если бы на лице дочери были румяна, разве не смыли бы их ручьи слез?

Так первый раз сказал он правду, да разве поверит мачеха? Конечно, не поверит! Вылила девушке на голову сорок котлов воды — но из бровей той ни один волосок не выпал, а родинки не побелели...

Тогда мачеха прикусила язык и подумала хитрая: "Может, она джиннов* встретила в горах или в ущелье; день ото дня ее красота расцветает! Как бы отнять у нее всю прелесть и отдать родной дочери?"

С того часа мачеха то слева к девушке подбиралась, то справа заходила, одно-другое обещала, могла ли сиротка устоять! Не взошло еще солнце, как мачеха погнала свою дочь пасти желтую корову...

* * *

Аллах вознаграждает не за добрые слова, а за доброе сердце! Ну что же, корова пошла, девушка побежала вслед за ней, пыль поднялась, грязь полетела. Так они и подошли к зеленому пастбищу с пышной травой. Мачехина дочка собралась было прясть шерсть и мотать клубок, да непривычное это для нее дело; опутала себе все лицо, руки в нитках; ни ветер не может помочь, ни вода! Наконец скрутила она кое-как нитки, вырвал у нее ветер клубок и покатило его. Пустилась она в погоню. Но легко ли ей осилить крутые спуски и подъемы, если не знала она никогда ни слез, ни ушибов? Катясь по буграм за клубком, вся ободралась до

джинн — в фольклоре стран Ближнего Востока — злой дух.

крови. Наконец перевалила кое-как через порог хижины. Увидев седовласую старушку, мачехина дочка не поверила своим глазам: "Вай, вай, неужели эта грязная старуха и есть та женщина, которую называют лучезарноликой? Волосы спутались, как паутина, на лице — подлость, джады* настоящая!"

Не пошла она к старушке на поклон, а принялась бранить ее:

— Что ты здесь вяжешь и ткешь, старуха?

— Один Аллах знает, дочь моя, какое у кого естество. Каким взглядом посмотришь на меня, тем и покажусь тебе. А что до моей работы, это дело сердца: кто какую пряжу приготовит, то я и сотку! Стыдно просить, но ради доброго имени твоего отца не причешешь ли ты мне волосы, дочь моя?

— Твои волосы не такие, чтобы за ними присматривать, злая старуха!

— Не протрешь ли мое лицо, глаза мои, дочь моя?

— И лицо, и глаза твои не такие, чтобы их вытирать, гадкая джады!

— Неужели я так грязна, дочь моя? Может, ты и сама запачкалась? Подойди, вымой лицо, руки!

Сказала так старушка и протянула к девушке руки. Того и ждала невежа. Тотчас вымыла она не только глаза, но и руки, ноги и, погнав вперед себя корову, отправилась домой. Вернуться-то она вернулась, да как увидела мать свою любимицу, кровь застыла у нее в жилах, сердце ее затрепетало.

Дочь удивилась.

— Мать моя, — спросила она, — что случилось с тобой, или язык у тебя прилип к зубам, или зубы не разжимаются, почему ты не откроешь рта и не молвишь словечка?

Мать же ни "а", ни "б" не может сказать. Взяла да поднесла ей к лицу зеркало. Посмотрелась дочка в зеркало и видит — что бы вы думали? — ни бровей не осталось, ни

джады — колдунья, ведьма.

ресниц, а лицо все в красных ссадинах, будто исцарапал кто-то...

Вот ведь как случилось: захотела пшеница грубого помола стать рисом, только еще хуже сделалась... Грохнула дочка о камень зеркало:

— Вай, вай, какое горе свалилось мне на голову! Кто теперь поднимет глаза, чтобы посмотреть мне в лицо!

Закричала она, заплакала злыми слезами. В доме все забегали, заохали, чем помочь не знают. "Это ты во всем виновата", — обвиняют сироту, не знавшую материнской улыбки. Собрались содрать с нее три шкуры, но тут желтая корова опять заговорила:

— О жестокосердые рабы Аллаха, грех не на сироте, а на вашей дочери, уши которой не слышат того, что говорит ее язык. Она сказала почтенной, старой женщине такие слова, что даже сердце гор и камней не выдержало, разорвалось на части, А вины без наказания не бывает! Вот она и превратилась в безобразную обезьяну. Хотите теперь — хвалите ее, хотите — побейте камнями!

Услышав это, мачеха страшно разгневалась и с пеной у рта подбежала к желтой корове:

— Замолчи, гадкая, ведь это ты виновница всему! Если бы тебя не погнали на яйлу, не помаслили бы хлеба девчонке, которая живет твоим умом и которой на роду написано умереть в сорок лет, — не превратилась бы моя алмазная доченька в драную рябую курицу. Чтоб твое молоко тебя же и погубило, а ее красота стала красотой покойника!

Сказала она так и направилась к мяснику Хаджи. Упала сиротка на колени, прильнула к рукам, к юбке мачехи, умоляет ее:

— Уж если хочешь крови, так лучше меня убей, не трогай ты беззащитную скотину; подумай, че всякая корова может заговорить; послал ей эту милость тот, кто выше нас; если ты тронешь хоть один ее волос, как ты предстанешь перед Аллахом!

Просила она, просила, умоляла, умоляла, но глаза маче-

хи только кровью налились... Еще пуще разозлилась, закричала:

— Ах ты, собака, не хватало того, чтобы ты меня учила! Ты лучше позаботься о своей голове: сейчас вот вылью три горсти коровьей крови, тогда и пушу носом молоко, которым кормила тебя твоя мать!

Сказала она так и побежала к мяснику. А сиротка обняла свою корову за шею и залилась рекой слез.

Не прошло и пяти минут, а в дверях показался мясник Хаджи с окровавленными ножами! Корова ни "му-у" не сказала, ни "мо-о" не прокричала. Подошла и склонила перед мясником свою голову. Повернувшись к мачехе, мясник сказал:

— Животные не знают, когда их ждет смерть; или овод мелькнул у коровы в глазах, что сама пришла и положила голову на плаху?

Полоснул он ножом по коровьей шее — а нож-то не режет. Сказал "бисмиллях"* , еще раз провел ножом по шее — опять нож не режет, еще и еще — не берет нож! Схватился тогда мясник за бороду:

— Аллах, Аллах, мой нож даже камень разрежет, здесь какое-то чудо... Я не могу коснуться и волоса этой благословенной!

Крикнул он так и отшвырнул нож в сторону.

С того дня и кинжалом не могли открыть мачехина рта! Но теперь она не пускала сироту и желтую корову ни в поле, ни в горы, не давала ни травы, ни мяса, одной — только горсть сена, другой — только кусок хлеба. Хотела она отнять у бедных радость, да не вышло. Сиротка не съест своего хлеба, смочит его слезами, отдает корове, а корова смешает свое молоко с медом и сметаной, накормит девушку... Прошло с того дня много месяцев, много лет, а злоба, ненависть не утихала! Ну что тут можно сказать, пусть Аллах рассудит!

бисмиллях — начальные слова мусульманской молитвы, с которой, по обычаю, нужно начинать всякое дело.

В один из дней г» **конаке*** играли свадьбу. Никого особо туда не **приглашали** — это же **конак,..** Двери открыты, никто не сторожит у входа' Шли ВС4'. **КТО** хотел повеселиться на славу.

Но разве может свадьба обойтись без любопытных! Мачеха тоже принарядила свою дочь с лииом обезьяны.

— Пойдем, моя чистая, **пойдем**, моя алмазная, — позвала она свою дочку. На место бровей прилепила ей перья, глаза подвела сурьмой. Потом заглянула в хлев и сказала сироте:

— Послушай ты, собака, свою-то родную я отведу на свадьбу. Но и тебя на день выпущу из хлева. Только присмотри как следует за домом: если хоть одна иголочка пропадет, знай, я тебя на иголки спать уложу!

Сердце сиротки кровью облилось! Горькие, как дикий лук, слова свинцом застыли у нее в груди... Но что она могла сделать — только сдержаться! Обняла она золотистую за шею и стала плакать, приговаривая:

— О мое Золотко, о моя золотая, не знаешь ты людей! Отец — только дым, который вылетает из трубы, лишь мать лелеет свое дитя, Аллах отнял у меня кормилицу-печальницу: только бы других не лишал матери. Кто накормит девушку, у которой нет матери, кто сведет ее на свадьбу? Мачеха и обидит ни за что, и заставит отыскать в песке иголочку... Красота — счастье девушки, а мне она принесла беду... Ах, если бы седовласая старушка отдала мою красоту неродной сестре, чтобы зубы ее ревности не вонзались в мое тело!

Тут желтая корова заговорила:

конак — дворец, большой богатый дом.

— Не плачь, моя сиротка, не плачь. Недавно рука пери* коснулась моего лба и в том месте выросли три волоса — видишь, как они шевелятся? Это или знак пери, или весть от старушки с лучезарным лицом: вырви один из них и попробуй спалить, посмотрим, что скажет Аллах!

В глазах сироты загорелся луч надежды. В этом луче она и сожгла один волос. Смотрит и — что бы вы думали — видит? Возле ворот стоит арба, в арбе — сверток, а в свертке чего-чего только нет: и наряды, и украшения — все, что нужно для свадьбы, найдешь там... Бедная девушка взглянула раз, потом другой да так удивилась, что на месте застыла.

— Ну, моя сиротка, опомнись, пусть гнездо твое Аллах совет; одевайся скорее и на свадьбу ступай, пусть там полюбуются красавицей — да и ты развеселишься.

Нарядилась сиротка и превратилась в гурию. Красоту свою взяла она у розы, а аромат у фиалки... Волосы — гиацинт, походка — как у лани, а глаза опьяняют, будто сок винограда, посмотришь на нее — кровь начинает быстрее бежать по жилам.

Как только она вошла в дверь, все, кто был на свадьбе, застыли, оцепенели, словно на них разбойники напали. Люди смотрели друг на друга, будто хотели спросить: "Какого это сада роза, какого цветника гиацинт?" Ну видел ли свет подобную? Никто девушку не узнал. Даже тамада, подумав: "А не из дворцовой ли она знати", — оставил женщин из свиты садразама* и везиров и стал мотыльком порхать возле сиротки. Будто соловьи зазвучали сазы**, а как запели девушки! В свадебном доме свадьбу играли, а сиротка вволю повеселилась...

Мачеха сидела, забившись в угол, а рядом с ней дочка, как ошипанная гусыня. Заметила сиротка, что они на дверь

* еадразам — великий везир, глава правительственного аппарата в Османской империи.

** саз — струнный щипковый музыкальный инструмент.

косятся, сказала себе: "Довольно, время мое прошло" — и поднялась с места. С большими почестями ее встречали, с большими почестями и провожали. А когда переходила она через площадь, случилось так, что одна ее туфелька упала в бассейн. В воду разве спустишься, из воды разве достанешь?.. Погрустила она, но убедила себя, что это к добру, и успокоилась. Время быстро летит, и сиротка, никому не показываясь, птицей полетела домой. Тут она сменила одежды, надела рваную мешковину. Только она присела,

появились и остальные, будто гнойная парша. — Я наказывала тебе, девчонка, охранять двери, дом, выполнила ли ты мое повеление?

— Охраняла, мать моя, охраняла, да только никто не приходил, не постучал в дверь!

— Ах ты, щенок без матери, кто же остался в горах, в долинах, кто мог прийти и постучать? Все, кто есть, кого нет, как рой пчел, полетели в свадебный дом...

И стала она рассказывать о свадьбе — хотела вызвать у сиротки зависть:

— На свадьбу пришла такая красавица, такая красавица, что не рождалась еще подобная ей! Никто не знает, дочерью какого падишаха пери она была? Кто увидел ее, у того жизнь, день стали длиннее. Какая радость пролилась в мое сердце! Слушай же, щенок без матери, невиданная красавица отвергла всех знатных, подошла ко мне. Нежно погладила она мою чистую, мою изумрудную дочь, так погладила, что...

Так мачеха наговорила семь коробов небылиц, а сиротка слушала все это, прикусив губы, чтобы не засмеяться.

Ну что же, пусть мачеха нижет одну ложь на другую, а мы пока узнаем о другом человеке.

Как-то раз сын одного падишаха пошел напоить свою лошадь, но сколько ни старался пригнуть ее морду к воде, ничего не вышло. Лошадь, наострив уши, упорно пятилась назад. Ничего не понимая, шахзаде* наклонился и видит, на

* шахзаде — царевич, сын падишаха или султана.

дне бассейна блестит что-то... Тут вынул он из воды туфельку, украшенную драгоценными камнями, такую туфельку, что не было, да и не будет никогда равной ей на свете. Не ножницами она кроена, не иголкой расшита.

Увидев такое чудо, сын падишаха застыл с раскрытым ртом.

— Аллах, Аллах, — закричал он, — если так красива туфелька, какой же красоты должна быть та, что носила ее!

Тут показалась старуха, такая горбатая, что язык ее касался земли. Услышав вздохи шахзаде, она немножко выпрямилась, поглядела на него искоса и говорит:

— О сынок, я эту туфельку видела на чьей-то ноге, когда свадьба была, почему же она теперь плавает в бассейне? Берегись, смотри, чтоб разбойники, перерезав тебе дорогу, не утащили туфельку в горы. Если так случится, сказать тебе правду, я не останусь жива... И не потому, что она достанется шакалам. Ведь все, кто был на свадьбе, не сводили глаз с туфельки, все-все, и гурии, и пери.

Сказала она так и ушла, и зажгли ее слова огонь в сердце шахзаде! Захотелось ему соединить две туфельки! Повелел он оседлать лошадей. Во все стороны помчались всадники, обыскали они горы, долины, осмотрели каждый кустик. Но вернулись, опустив повинные головы. Тут запылал в душе шахзаде пожар. И могли ли искры его не долететь до дворца! Начали горевать и мать и отец, досталось и везирам. Золотую туфлю из бассейна принесли в нижнюю палату, из нижней палаты перенесли в палату везиров. Пошли пересуды, толки. Три дня и три ночи толкли воду в ступе, носили воду решетом, но амбар пуст, сосуд без дна... Все умные речи не заполнили и скорлупы от ореха. Наконец заговорил мудрейший из мудрых везиров.

— Послушайте меня, почтенные старцы, — сказал он, — через наши горы птица не пролетит, караван не пройдет, не могут там жить и сорок разбойников. Если эта девушка не дочь пери, а дитя своих родителей, так не разверзлась же земля, не поглотила ее, конечно, она сейчас в своем доме

занята своими делами. Позовем двух белых евнухов, пошлем их по домам, по дворам, на чью ногу придется впору — та и хозяйка туфельки. Если судил Аллах, возьмем де вушку к себе и сыграем свадьбу, на этом и кончится беда шахзаде, фирман* же за падишахом!

А падишах, оказалось, подслушал весь разговор из-за решетки, и пришлось ему по душе слова мудрейшего.

Тут белые евнухи, взяв с собой золотую туфельку и выкрикивая падишахский фирман, обошли без устали весь город, заходили и в черные двери, и в белые двери и пришли наконец к дому жестокосердой женщины.

Мачеха вырвала туфлю из рук белых евнухов, сперва на свою ногу, примерила, ничего не вышло; потом хотела натянуть ее на ногу своей дочери, но туфелька и не думала налезать. Евнухи, не найдя той, которую искали, собрались было уже пойти в другой дом, как одна из соседок и говорит:

— Почтенный, не облезет ведь золото, если сиротка тоже примерит туфлю, разве она не дочь этого дома?

Тут мачеха, насупив брови, набросилась на нее:

— Да простит тебя Аллах, соседка, что ты говоришь? Ничего в ней нет девичьего, стоит она, прислонившись к двери хлева, будто скверная метла. Подходя к ней, нужно нос затыкать пальцами, разве этакое можно показывать людям?

Однако белые евнухи угадали в ее словах какой-то обман и ответили так:

— О женщина, фирман, посланный сверху, приказывает не различать людей, разве она не создание всевышнего?

Мачеха, услышав такое, хоть и не хотелось ей, пошла и открыла ворота. И что же, девушка совсем не похожа на навозную метлу. Росла в грязи — выросла розой! Надела сирота туфельку, и пришлась она ей точь-в-точь впору! Вот тогда мачеха и прикусила язык, а белые евнухи застыли, изумившись.

фирман — шахский или султанский указ.

Сколько не бились великие ага*, так ничего и не узнали у сиротки. Но они поняли по ее глазам и бровям, что нашли ту, которую искали, и сказали ей:

— Дочь наша, Аллах милостив к тебе. Ждет тебя большое счастье, будь готова в скором времени!

Все это хорошо; но разве могла перенести такое мачеха?

Решила она все-таки отправить во дворец вместо сиротки свою дочь. Известно ведь, вор замечает свои следы еще до того, как обнаружат кражу... Чтобы приукрасить дочь, мачеха чем только ее не мазала, но разве помогут краски? Рано или поздно подделка раскроется. Да где мачехе думать об этом! Глаза ее загорелись, и не увидела она дальше своего носа.

Рано-рано утром пришли за невестой. Как только подошли к двери, мачеха вывела свою нарядную дочь. Поглядели на нее люди, смерили взглядом с ног до головы и сказали:

— Красавица, в такой день солнце не прячется за тучами! Сними с себя покрывало. Дай взглянуть на лунный лик невесты!

Мачеха притворилась, будто не слышит. Тут один из мужчин подошел к невесте и сам поднял покрывало. И что же увидел он? Вот так красавица: зубы провалились, на голове три волоса, талия, как у лягушки, глаз и бровей за сурьмой не видно! Не поверили глазам своим люди.

— Аллах, Аллах, и белые евнухи говорили: "Росла в грязи, выросла розой, нет ей равных ни на земле, ни на небе?!" Но где же пара к туфельке, которая упала в бассейн?

Как только услышала такие слова мачеха, задрожали у нее ноги, руки. Стала она болтать вздор.

— Когда одна туфля упала в бассейн, другую я выбросила в реку!

— А что случилось с рекой?

— Выпила корова!

— Ас коровой что?

ага — почтительное обращение; господин.

- В горы убежала!
- Ас горой?
- Сгорела, в пепел обратилась!

Нанизывая одну ложь на другую, мачеха старалась запутать все. Но подивитесь мудрости Аллаха: голосистый петух пробежал к дверям и закукарекал:

— Красавица-сиротка у тандыра*... у тандыра! Красавица-сиротка у тандыра... у тандыра!

Жена султана, а она была в свите невесты, и говорит:

— Аллах послал дар речи безмолвной твари!

— О жена султана, ты мне, достойной женщине, не вешишь, а хочешь поверить петуху величиною с кулак?

Таковыми словами хотела мачеха уладить дело. Но ничего не вышло. Как только жена султана показала кончик фирмана, сразу же все реки остановились. Что тут мог сделать человек, даже самый хитрый? Побежала мачеха, обливаясь потом, домой. Открыла дверь — и что же? Сидит у тандыра та самая красавица, которую видели на свадьбе.

Радости людей не было конца. Рассказала сиротка все, что перенесла от мачехи. Жена султана, прослезившись, сказала:

— О жестокосердая женщина, ты, видно, и Аллаха не побоялась, сейчас я пойду к падишаху и расскажу ему о твоих злых делах. Какой казни ты хочешь: четвертовать тебя или другое что выберешь?

Мачеха то посмотрит в лицо своей дочери, то в лицо падчерицы, потом покорно склонила голову...

Не выдержала тут сиротка и говорит:

— О жена султана, у тебя доброе сердце, не сможет мачеха искупить свои поступки никакой казнью... Дорога на свете только мать, а у этой матери есть одна-единственная дочь; что со мной было, то было, пусть с ней этого не случится. Но если ее мать оплатит свои грехи кровью, дочь, как и я, попадет в руки мачехи. Хорошо ли, плохо ли, а я все

тандыр — вырытая в земле печь.

доверила Аллаху; не говори ничего ни падишаху, ни шахзаде; пусть все останется нашей тайной!

Услышав эти слова, мать с дочкой бросились обнимать ноги сиротке, но она сама' нагнулась к ним и поцеловала их. Потом вынула она сверток, который долго прятала, оделась и стала красивая, как роза, и тонкая, как тростинка!

Люди в одну сторону, они в другую... Но не забыла девушка свою корову и своего петуха голосистого. Устроила обоих в дворцовом хлеве и только после того пошла и села рядом с женой султана в карету...

Сорок дней и сорок ночей свадьбу играли, так весело было, что долго люди о ней забыть не могли. Сиротка и сын падишаха достигли всего, чего хотели. А мы пойдем дальше. С неба еще три яблока упало: все для сирот, не знающих улыбки.

ДИЛЬРУБА-СУЛТАН — ЗОЛОТАЯ НОЖКА

В одном царстве жил дровосек. Никого у него не было, только дочь, да и та с косыми глазами. Как-то дровосек пошел в лес и встретил дервиша*.

— Отец, — сказал дервиш, — не ходи сегодня рубить дрова, а погуляй со мной, я дам тебе за это золотой.

Дровосеку не хотелось гулять с дервишем, но обещанный золотой изменил его желания, и они вместе пошли в лес. Бродя по лесу, они вдруг увидели пригорок.

— Отец, — попросил дервиш, — возьми меня на спину и поднимись на пригорок, а потом я тебя понесу.

— Как же мне поднять тебя с твоим огромным аба* и

дервиш — нищий, аскет и подвижник; в сказках — персонаж, наделенный волшебной силой.

** аба — плащ из грубой шерстяной ткани.

громадной чалмой? — ответил дровосек.

Продолжая свой путь, они встретили похоронное шествие.

— Как ты думаешь, в гробу лежит живой человек или покойник? — спросил дервиш, а дровосек удивился:

— Разве живых кладут в гроб?

Вечером дровосек вернулся домой. Дочь стала его спрашивать, где он был, что делал. Дровосек рассказал все, что с ним случилось. Рассказал он и о том, как дервиш предложил взять его на спину и нести на пригорок, но тут дочь перебила его:

— Отец, ты не понял слов дервиша. Он хотел сказать: "Давай взберемся на этот холм с шутками и весельем".

— На дороге мы встретили покойника, — продолжал дровосек, — и дервиш спросил: "В гробу лежит покойник или живой человек?"

— Ах, отец, — опять перебила его дочь, — он не это хотел сказать. Он хотел узнать, богатым или бедным человеком был покойник.

Утром девушка сделала яичницу из десяти яиц, дала отцу каравай хлеба и велела отнести все это дервишу. Дровосек послушался дочери, но, придя в лес, подумал: "Неужели я отдам все яйца этому, грязному дервишу?"

Сказав так, он открыл крышку котелка, съел половину яичницы, потом накрыл котелок и стал ждать дервиша. Когда тот пришел, дровосек поставил перед ним котелок, предложил:

— Возьми, это прислала тебе моя дочь.

— Внизу веет теплый ветер, а сверху бушует буря... Месяц убывает, а день прибывает, — сказал дервиш, сняв крышку.

Дровосек не понял его слов и, вернувшись вечером домой, попросил дочь открыть ему смысл речей дервиша.

Дочь улыбнулась:

— Отец, он хотел сказать, что ты съел половину яичницы. Давай-ка позовем его сегодня поужинать с нами.

Дровосек пригласил дервиша. Когда мужчины ужинали, девушка смотрела на них через полуоткрытую дверь. Дервиш заметил это и, намекая на косые глаза девушки, сказал дровосеку:

— Дом-то у вас хорош, да трубы кривые.

— Пусть кривые, но дым через них идет прямо вверх, — смело сказала девушка.

Ее ответ понравился дервишу, и он стал просить дровосека отдать ему дочь в жены. Дровосек согласился.

А этот дервиш, оказывается, был падишах. Сменив, свой царский наряд на одежду дервиша, он бродил по свету. После свадьбы он несколько месяцев прожил в доме дровосека, а потом затосковал по своему дворцу.

— Жена моя, — сказал он однажды дочери дровосека, — я еду на родину. Если у меня родится сын, то надень ему этот амулет на руку и отошли его ко мне; если же родится дочь, то продай амулет и купи ей приданое.

Сделав такое наставление, он покинул дом дровосека.

Много времени прошло или мало, только у женщины родился сын и назвали его Гек, что значит "Небесный". Когда мальчику исполнилось шестнадцать лет, товарищи на улице стали дразнить его, называть ублюдком. Ребенок часто спрашивал мать: "Разве у меня нет отца?" И каждый раз мать указывала ему на своего собственного отца.

И мальчик поверил, что дед и в самом деле его отец. Бедная женщина наконец все-таки отослала сына к падишаху. Надела ему на руку амулет и отправила его к отцу, который, узнав, что сын пустился в путь, приказал устроить по всей стране пышные празднества.

Один проходимец-Кельоглан*, проведав об этом пошел встречать Гека и, увидев его, сказал:

— Меня послал к тебе твой отец. Ты должен омыться водой из этого колодца. Если ты не выполнишь повеления,

Кельоглан — букв. "плешивей." — герой турецких сказок, незадачливый, но умный и благородный парень из народа.

то умрешь.

Обвязал он юношу веревкой и опустил его в колодец. Мальчик набрал воды и попросил вытащить его наверх, а Кельюглан говорит:

— Я оставляю тебя в колодце!

— Почему?

— Если ты согласишься, чтобы я вместо тебя был наследником престола, а ты станешь служить у меня конюхом, тогда я вытащу тебя из колодца и спасу от смерти.

— О, спаси меня, я на все согласен, клянусь Аллахом, я ничего не скажу отцу, — взмолился шахзаде .

— Поклянись, — потребовал Кельюглан, — что даже под угрозой смерти, даже стоя перед палачом, ты не откроешь тайны.

Потом Кельюглан облачился в одежду юноши, а ему отдал свою.

Когда они пришли в город, падишах невзлюбил своего сына, но почему-то очень привязался к его конюху.

— Сын мой, — сказал падишах, — не хочешь ли ты, чтобы конюх жил вместе с тобой во дворце?

— Нет, отец, пусть он спит в конюшне, охраняет моего коня.

Что было делать падишаху, пришлось согласиться. Однажды Кельюглан пришел к падишаху и попросил его:

— Отец, повели отлить мне мяч из золота.

Падишах выполнил просьбу сына. Кельюглан, играя мячом, часто попадал им по голове Гека.

Однажды он, как обычно, играл своим мячом и угодил им по кувшину старой женщины, набиравшей воду у источника.

— Эх, молодец, — проговорила женщина, — что я могу сказать, ведь ты сын падишаха. Желаю я тебе только, чтобы ты безумно влюбился в Дильруба-Султан — Золотую ножку-

Кельюглан, услышав ее слова, упал на землю и притво-

шахзаде — царевич, сын падишаха или султана.

рился, будто потерял сознание. К нему сразу подбежали и привели его в чувство. Открыв глаза, мошенник стал бесноваться и кричать:

— Отец, пусть мой конюх пойдет и приведет ко мне Дильруба-Султан — Золотую ножку.

— Сын мой, ты ума лишился? Много раз я ходил на ее царство войной и не смог взять ее.

— Нет, нет, он должен пойти и привести Дильруба, — настаивал Кельюглан.

Падишах снарядил корабль, назначил Гека капитаном и послал его в дальние края. В пути Гек услышал как матросы кричат:

— Лови, лови же, неужели ты не можешь ее поймать!

Гек подошел к ним и спросил:

— Что вы делаете?

— Ловим рыбу, — ответил один из матросов.

— Оставьте ее, на что она вам?

Спасенная им рыба выпрыгнула из воды и сказала:

— В награду проси у меня все, чего хочешь!

— Чего мне просить у рыбы? — говорит Гек.

Но рыба сорвала с себя три чешуйки и отдала их юноше со словами:

— Когда падет беда на твою голову, потри одну чешуйку о другую.

Юноша взял чешуйки и спрятал их.

Через несколько дней, когда Гек спал на палубе, он услышал шорох. Оглянулся и увидел огромного дракона. Выхватил он свой меч, убил дракона и снова улегся спать. Вдруг он услышал шелест крыльев и увидел изумрудную птицу Феникс, которая сказала:

— Проси у меня все, чего хочешь!

— Чего мне просить у птицы?

Птица Феникс дала ему три перышка:

— Когда попадешь в беду, потри их одно о другое.

Прошло еще несколько дней, и корабль почему-то вдруг остановился, будто наткнулся на что-то. Юноша пошел на

нос и увидел перед судном волшебника Юнус-баба, который превратился в огромную рыбу.

— Сын мой, — сказал Юнус-баба, — по пути во дворец Дильруба-Султан ты увидишь стены крепости, сложенные из отрубленных голов. Войдя во дворец, ты увидишь палачей, которые, выстроившись в два ряда, будут кричать: "Бахшиш! Бахшиш!". Ты отвечай им: "Дам, когда буду возвращаться". После этого попадешь на лестницу и поднимешься по ней, перешагивая через ступеньку. Так ты подойдешь к Дильруба, и она тебя спросит: "Зачем пришел?" Ты ответишь: "Я пришел, чтобы увезти тебя, моя красавица". А теперь возьми два моих волоска и, когда тебя настигнет беда, свяжи их вместе.

Юнус-баба исчез, и судно наконец достигло берега. Все, кто был на корабле, сошли на землю и направились к дворцу. Как и обещал Юнус-баба, вдали показалась крепость, за стенами которой виднелся дворец. Как только вошли они во дворец, палачи стали кричать: "Бахшиш! Бахшиш!". Молодец отвечал им: "Дам, когда буду возвращаться". Он поднялся по лестнице, перескакивая через ступени, и подошел к Дильруба-Султан, которая сидела под сорока покрывалами.

— Ты зачем пришел, осел? — спросила она.

— Чтобы увезти тебя, моя красавица!

Дильруба-Султан — Золотая ножка хлопнула в ладоши и приказала вошедшим слугам:

— Заприте его в каменную темницу!

Утром к Геку пришел слуга, подал ему арбузную корку, осколок блюда, кусок железа и сказал:

— Из корки сделай арбуз, разбитое блюдо преврати в целое, а из куска железа выкуй нож. Когда все исполнишь, Дильруба станет твоей.

Слуга ушел. Юноша думал-думал, гадал-гадал и наконец вспомнил слова Юнус-баба. Связал он подаренные волоски, и Юнус-баба предстал перед ним.

— Ну, сын мой — сказал Юнус-баба, — что у тебя за

горе?

Шахзаде рассказал все и спросил:

— Как я смогу выполнить повеление?

Не успел Юнус-баба провести рукой по корке, как она превратилась в арбуз, провел по осколку и сотворил блюдо, прикоснулся к железу — и стало оно ножом. Сделав все это, Юнус-баба исчез. Юноша разрезал арбуз, положил его на блюдо и пошел к Дильруб-Султан, а та сразу закричала:

— Это не считается! Не считается!

Хлопнула в ладоши, призвала слуг и приказала им:

— Бросьте-ка молодца в каменную темницу.

Наутро к юноше опять пришел слуга.

— Недалеко отсюда есть высокая гора. Завтра на рассвете ты пойдешь туда и если доберешься до вершины горы раньше, чем Дильруб-Султан, наберешь хворосту и сварить кофе, то она станет твоей.

Слуга удалился. Гек связал волоски и, когда перед ним появился Юнус-баба, рассказал ему все.

— Завтра тебе дадут старого шелудивого мула, а под Дильруб-Султан будет красивый быстроногий конь. Возьми мой хлыст и незаметно стегни им мула, — сказав так, Юнус-баба исчез.

Когда наступило утро, Геку дали мула, которого он украдкой ударил хлыстом. Мул помчался быстро, как молния. Добравшись до вершины горы, юноша мигом набрал хворосту и сварил кофе. Не успел он разлить кофе в чашечки, как перед ним появилась Дильруб-Султан и опять закричала:

— Это не считается, не считается! Вот если ты помоешь чашки, сложишь их в корзину и раньше меня приедешь во дворец, — тогда я на все согласна.

Юноша сделал все, как она велела, ударил мула хлыстом и в один миг очутился во дворце. И на этот раз своенравная девушка заявила, что это не считается, и приказала заточить юношу в темницу. Наутро к нему снова пришел слуга.

— Когда нашей госпоже было пять лет, — начал он, — она уронила в море перстень. Пойди и немедленно отыщи

его.

Тут Гек вспомнил о рыбе, которую спас. Он потерял чешуйки, подаренные ею, и она тут же предстала перед ним.

— Что прикажешь? — спросила рыба.

— Перстень Дильруба-Султан упал в море. Найди его.

Рыба скрылась под водой и скоро вернулась, держа во рту перстень. Юноша взял его и отнес Дильруба-Султан, она же снова начала твердить;

— Это не считается, не считается. Ответь-ка, что сказала султанша Гюль султанше Гюллю и почему Гюллю рассердилась на Гюль? Если отгадаешь мою загадку, — все будет так, как ты хочешь.

Гек подумал-подумал и, вспомнив про изумрудную птицу Феникс, потерял одно о другое перья, подаренные ею. Птица Феникс прилетела, и юноша рассказал ей о своем горе.

— Завтра, — сказала птица, — возьми с собой веревку и жди меня у подножия вон той горы.

Утром юноша пошел к подножию горы и стал ждать птицу Феникс. Когда она прилетела, юноша сел к ней на спину, и они полетели на вершину горы, к колодецу.

— В этом колодце, — сказала птица Феникс, — живет див*. Около его дома стоят две птичьих клетки. Там же ты найдешь райские яблоки и райское вино. Если злого дива нет дома, то забирай все и крикни мне: "Тяни".

Юноша обвязался веревкой, спустился в колодец, а дива дома не было. Гек схватил клетки, райские яблоки, райское вино и крикнул: "Тяни". Изумрудная птица Феникс вытащила его из колодца. Он поехал во дворец, предстал перед Дильруба-Султан и показал ей клетки с птицами. Тут красавица и сказала:

— Вот теперь я согласна...

Оказывается, в одной клетке сидела султанша Гюль, а в другой — Гюллю-Султан, сестры Дильруба. Они были за-

див — фантастическое существо, злой дух, распространенный персонаж восточного фольклора.

колдованы и, поссорившись, превратились в птиц. Как только им дали глотнуть райского вина и понюхать райских яблок, они стали девушками, прекрасными, будто газели.

Гек жил в волшебном-дворце еще несколько месяцев, а потом вместе с девушками отправился в путь. Когда они прибыли во дворец падишаха, Кельюглан, увидя красавиц, от радости чуть не сошел с ума и закричал:

— Я просил привезти мне одну девушку, а он привез сразу трех!

Кельюглан стал готовиться к свадьбе: он хотел жениться сразу на всех трех девушках. Но девушки разом сказали:

— Мы хотим выйти замуж только за Гека.

Дильруба-Султан — Золотая ножка так учила своих сестер:

— Вы не печальтесь. Ведь когда Кельюглан в первую брачную ночь зайдет в наши покои, то сперва будет совершать намаз. А тут-то мы надаем ему пинков и выставим за дверь.

Кельюглан сначала вошел в покои Дильруба. Когда жених совершал намаз, Дильруба ударила его ногой и вышвырнула за дверь. Сначала Кельюглан заплакал, а потом подумал и сказал сам себе:

"И чего я разревелся? Ведь у меня еще две невесты остались!"

Думая так, он направился в комнату Гюллю-Султан, которая тоже дала ему хорошего пинка. Ее сестра обошлась с ним точно так же.

— Вы отвергаете меня и хотите выйти замуж за моего конюха. Коли так — казнить конюха! — повелел Кельюглан.

Гека передали в руки палачей, и те отрубили ему голову.

— Отдайте нам труп нашего мужа, отдайте, — умоляли все три девушки.

— Ну что ж, пусть они возьмут труп. Посмотрим, что они с ним будут делать, — усмехнулся Кельюглан.

Девушки взяли труп и пролили райское вино на отрубленную голову юноши — голова сразу приросла к телу.

Потом ему дали понюхать райские яблоки. Юноша чихнул трижды и ожил.

Узнал это Кельюглан и сказал:

— Видно плохо его казнили! Казнить снова!

Палачи схватили юношу и поволокли на плаху. А падишах выглянул в окно. Тут Гек засучил рукав и показал ему амулет.

— Остановитесь! — закричал падишах и велел привести к нему юношу. Шахзаде рассказал отцу все, что с ним случилось. Падишах приказал привязать Кельюглана к стволам двух деревьев и обратился к народу:

— Каждый человек, который пройдет мимо, должен вырвать кусок мяса из тела этого негодяя!

Народ выполнил повеление, и Кельюглан умер в страшных муках. А сын падишаха Гек женился на трех девушках, и свадьба продолжалась сорок дней и сорок ночей. Они достигли всего, чего желали, а мы будем довольны и тем, что они счастливы.

С неба упали три яблока: одно тому, кто рассказывает, другое тому, кто слушает, а третье тому, кто записывает.

СОДЕРЖАНИЕ

Бехнана. <i>Перевод П. Моисеева.</i>	3
Три источника. <i>Перевод М. Керимова.</i>	12
Султанша из подземелья. <i>Перевод М. Гасратяна.</i>	21
Сестрица Седеф. <i>Перевод Р. Аганина.</i>	29
Золотая туфелька. <i>Перевод Р. Аганина.</i>	35
Дильруба-Султан — Золотая ножка. <i>Перевод П. Моисеева.</i>	52

ТУРЕЦКИЕ СКАЗКИ
Часть третья

Редактор Л.Новикова
Художник А.Артемов
Технический редактор А.Стасова
Корректор Л.Родичева

Тираж 100000 экз. Цена 2 р. 98 к. Приложение к журналу "Зарубежная радиоэлектроника", 123459, Москва, б-р Яна Райниса 28-2.

Верстка ПК "Компан", 125239, Москва, б-р Матроса Железняка 9-41.

Подписано в печать 30.08.91. Бумага офсетная. Формат 60x88/16. Печ. л. 4.0.
Московская типография № 4 Госкомпечати СССР,
129041, Москва, Б. Переяславская ул., 46. Зак. 1274.

